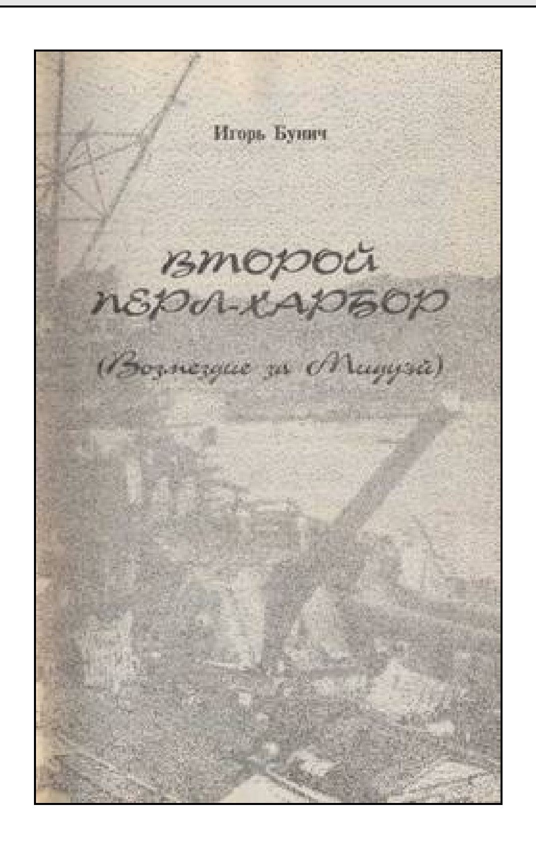

ИГОРЬ
БУНИЧ
второй
ПЕРЛ
ХАРБОР

Annotation

Одним из "белых пятен" в истории Второй Мировой войны для российского читателя является морское сражение у острова Саво. Агрессивный японский адмирал Микава, еще полностью не пришедший в себя после поражения японцев у острова Мидуэй, наспех собрав соединение кораблей, нанес американцам жестокое поражение, которое американская пресса справедливо назвала "вторым Перл-Харбором". Для напоминания читателям о "первом" Перл-Харборе предлагается захватывающий материал Уолтера Лорда в прекрасном авторизованном переводе И. Бунича.

ИГОРЬ
БУНИЧ
второй
ПЕРЛ
ХАРБОР

Уолтер Лорд. День позора. (Второй Перл-Харбор. Возмездие за Мидуэй) Авторизованный перевод - Игорь Бунич

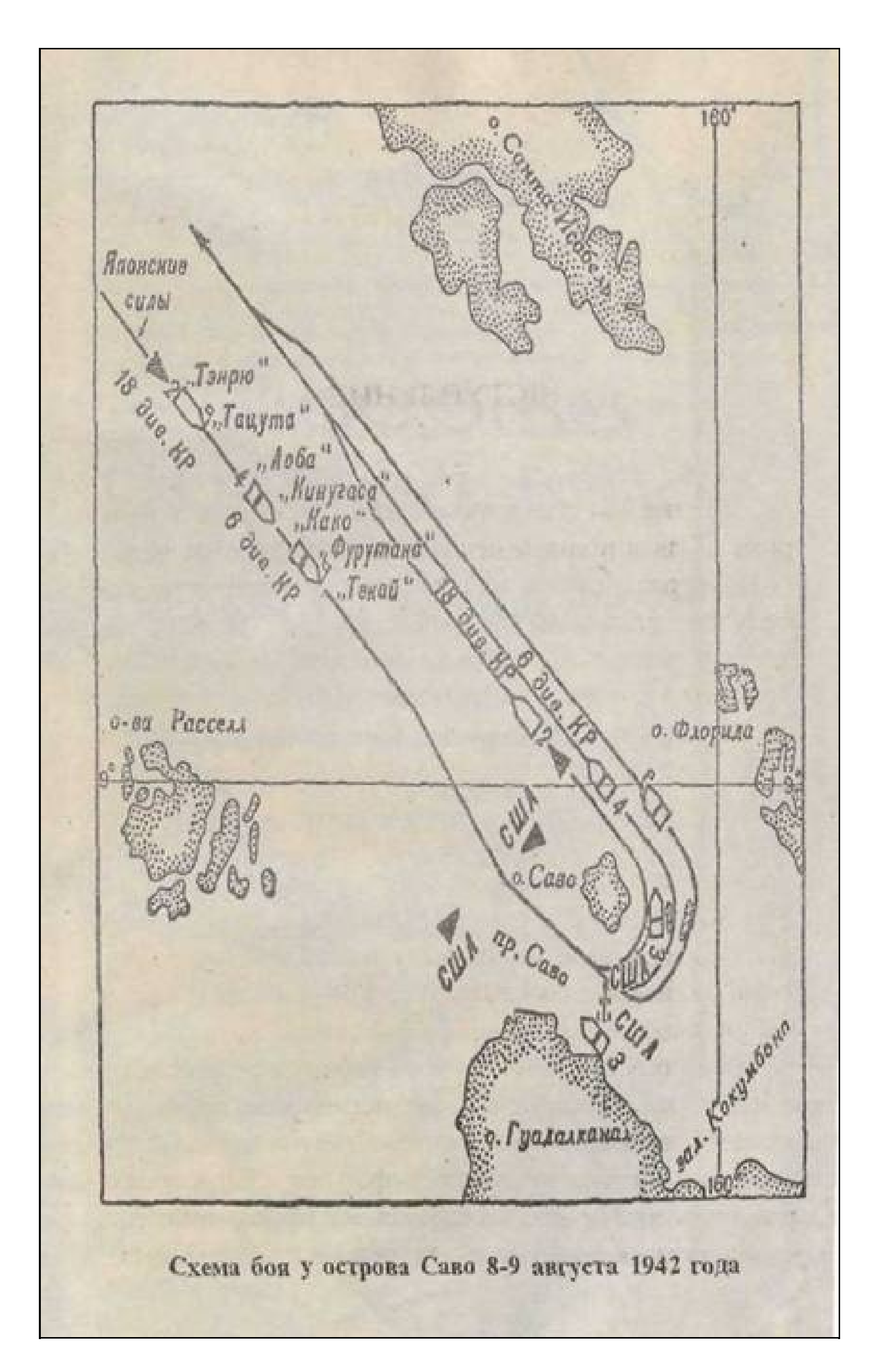

Схема боя у острова Саво 8-9 августа 1942 года

ВСТУПЛЕНИЕ

В первой половине августа 1942 года вся Америка была в полном недоумении. И было от чего.

Отпраздновав в начале июня решительную победу над японским флотом у атолла Мидуэй, где расслабившаяся от небывалых побед Империя Восходящего Солнца умудрилась потерять в одном бою сразу четыре ударных авианосца первой линии, американская общественность с нетерпением ждала, когда же флот США перейдет в наступление и, окончательно добив противника, победоносно завершит войну где-нибудь к началу 1943 года. Тем более – ведь было официально заявлено, – что в результате разгрома у Мидуэя Япония потеряла инициативу в войне, каковая перешла к Соединенным Штатам.

Однако прошли июнь и июль, но ничего не произошло. Командование американским флотом хранило гробовое молчание. Лишь 8 августа командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Честер Нимиц, выступая перед рабочими и служащими военно-морской верфи в Перл-Харборе, сообщил, что подразделения морской пехоты США произвели успешную высадку где-то на далеких Соломоновых островах.

«Силы американского Тихоокеанского флота при поддержке австралийских кораблей, – заявил Нимиц, – атаковали японские позиции на о.Ту-лаги в группе Соломоновых островов. Операция развивается успешно, несмотря на сопротивление противника, поддерживаемого самолетами берегового базирования».

Американская пресса соответственно отреагировала на заявление главкома, а броские заголовки газет окончательно уверили американское общественное мнение, что обещанное победоносное наступление началось. Правда от Соломоновых островов до Токио было еще очень далеко, но на это мало кто обратил внимание. Еще меньше внимания обратили на сообщение лондонских газет, где со ссылкой на японскую прессу все эти события излагались в совершенно другом свете.

«Силы Императорского флота, – говорилось в японской сводке, – атаковали американские корабли, появившиеся вблизи Соломоновых островов, нанеся серьезные потери боевым кораблям и транспортам противника. Потоплены: американский линкор неустановленного типа, два тяжелых крейсера типа «Астория», более трех тяжелых крейсеров неустановленного типа и более десяти транспортов».

Это японское сообщение не вызвало никакой реакции в США. Никто ничего не опровергал, никто не настаивал на немедленном расследовании этого сенсационного сообщения.

Лишь некоторые комментаторы мимоходом отметили, что японские вымыслы «абсурдны» и, как всегда, сильно преувеличены. Японцы вынуждены делать хорошую мину при плохой игре и уже совершенно заврались.

Воскресный номер «Нью-Йорк Тайме» поместил на первой полосе сообщение о вторжении на Соломоновы острова вместе с другими новостями: об аресте Ганди и шести безвестных «нацистских саботажников». А поскольку никто из читателей газеты не имел ни малейшего понятия о существовании и местонахождении Соломоновых островов, тут же на первой полосе был помещена карта этой, забытой Богом, цепочки островов в южной части Тихого океана.

Впервые перед глазами читателей промелькнули экзотические названия: Гуадалканал,

Ту-лаги, Саво, Руссел, Санта-Изабел, Малайта и Чойзеул.

Первый из этих островов – Гуадалканал – отныне будет постоянно мелькать перед глазами читателей подобно серебряной монетке на зеленом стекле.

Именно Гуадалканалу суждено было стать местом длительного ожесточенного сражения, которое, казалось, никогда не закончится, громоздя жертвы в людях и кораблях. В течение последующего года с лишним название островов Гуадалканал и Саво не сойдут с газетных страниц и будут отождествляться со страшным бездонным зевом, глотающим один за другим американские боевые корабли.

Американский обыватель – налогоплательщик был еще сильно пришиблен Перл-Харбором, а потому ему совсем не хотелось ничего больше слышать о новых японских победах, а наоборот: хотя бы о малых успехах собственного флота.

Тем не менее в номере от 10 августа «Нью-Йорк Таймс» поместила еще одно сообщение, пришедшее из Лондона, где со ссылкой на японскую сводку говорилось: «Императорский флот потопил американский линкор, два тяжелых крейсера типа «Астория», три других крейсера, по меньшей мере четыре эсминца и десять транспортов».

И хотя население США, как уже отмечалось, совсем не хотело знать о новых поражениях своего флота, газеты продолжали раздувать этот скандал.

В ночь на понедельник появились дополнительные сведения, подтверждающие японское сообщение, и газетчики, преодолев робость военного времени, напрямую обратились в министерство ВМС США с конкретными вопросами: действительно ли американский флот снова понес столь кошмарные потери и, если да, то в каком объеме?

Правда ли, что в течение последних дней у Соломоновых островов начались ожесточенные бои?

Откуда у «джапов» появилась после Мидуэя уверенность в том, что они «вытрясут душу» из американского флота?

Главнокомандующий американским флотом адмирал Эрнест Кинг хотел «несколько остудить любопытство репортеров и их жадность к сенсациям», а потому некоторое время министерство ВМС хранило молчание. Но бесконечно молчать было невозможно, и уже на исходе следующего дня министерство ВМС выступило с официальным заявлением, где говорилось:

«Развернутые наступательные операции нашего флота против японцев в юго-западной части Соломоновых островов продолжаются. Преодолено сильное сопротивление противника, но пока еще преждевременно говорить о результатах, а равно обнародовать потери…»

Сам адмирал Кинг, придавая очень мало значения газетным публикациям, которые только «суетятся и раздувают слухи», практически ничего корреспондентам не сказал, но ничего и не опроверг, на что сразу обратили внимание большинство газет.

Затем в обиход вошла фраза, что действительно в последнее время американский флот понес «некоторые потери», что, как ни странно, полностью удовлетворило общественное мнение. И на некоторое время о Соломоновых островах забыли.

Спустя два месяца – 12 октября – Министерство ВМС опубликовало официальное Коммюнике № 147: «Некоторые подробности о начальной фазе компании вторжения на Соломоновы острова, необъявленные ранее из-за необходимости сохранения военной тайны, теперь могут стать достоянием общественности…».

Далее был дан подробный отчет о гибели трех американских тяжелых крейсеров:

«Астория», «Куинси», и «Винсенес вместе с австралийским крейсером «Канбера» в проливе у о. Саво. Еще три корабля, говорилось в отчете, получили повреждения различной степени. Разгром был учинен «японским соединением особого назначения» в первую же ночь после высадки американской морской пехоты на Соломоновы острова. О людских потерях не было сказано ни слова, и только после войны страна узнала, что в этом бою погибли 1024 американских моряка.

Когда стало известно большинство подробностей этого боя, одна из газет Сан-Франциско резонно заметила, что в "истории нашего флота было два Перл-Харбора"

Второй – это бой у острова Саво.

«Это было одно из тягчайших поражений, когда либо нанесенных военно-морскому флоту США», – отметил официальный историк ВМС США контр-адмирал Самуэль Эллиот Морисон.

*** * ***

СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА.

(Немного истории)

Протянувшись на 600 миль от Бугенвиля до Гуадалканала, Соломонов архипелаг образуют двойную цепь изумрудных островов чуть южнее экватора к северо-западу от Австралии. Между этими цепочками островов пролегает глубоководный пролив, получивший от американских моряков, сражавшихся в юго-западной части Тихого океана, меткое название «Щель».

Эти земли открыл в 1567 году Алзарадо Медана – кузен испанского короля, на деньги которого и была снаряжена экспедиция.

Медана был убежден, что именно эти острова являются Опхиром – библейской "землей золота". Поэтому он даже некоторое время жил на архипелаге, планируя заняться разработкой золотоносных руд и склочно разбогатеть. Но для этого нужны были дополнительные деньги. Необходимо было убедить короля начать колонизацию открытых островов и начать широкомасштабную добычу золота.

Испанец назвал первый из открытых островов архипелага "Санта-Изабель", а последний – "Гуадалканар" (именно так, с буквой "р" на конце).

Это был огромный остров вулканического происхождения с цепью зловещего вида гор, окаймленных непроходимыми джунглями. На Гуадалканале довольно долгое время жил Джек Лондон, который стал фактически первым его исследователем. Он открыл, что жувущее на острове туземное население говорит на семнадцати различных диалектах. Их объединяет только общая страсть – охота за человеческими головами…

Но вернемся к досточтимому Алзарадо Медане – кузену испанского короля.

Пожив немного на островах, он вернулся в Испанию, оставив после себя только поднятые на пальмах испанские флаги.

В Испании, однако, никто не заинтересовался открытиями королевского кузена. Тем более, что ни грамма золота в доказательство своей теории об Опхире Медана с собой не привез.

Испания в то время была втянута в целую серию европейских войн, раздиралась внутренними проблемами и ей было явно не до Соломоновых островов. Многие вообще считали всю эту историю фантазией Меданы.

Только спустя двадцать семь лет Медана снова получил благословение короля на новую экспедицию. На этот раз королевский кузен имел четыре корабля, на борту которых находились 400 золотоискателей. С ним также следовала его жена. Но на этот раз он никак не мог даже найти Соломоновы острова.

Фактически Медана дошел аж до цепи островов Санта-Круз, так и не обнаружив знакомых ориентиров, но все-таки продолжал поиск в регионе еще два месяца, не теряя надежды. Но за это время он потерял в шторме один из своих кораблей, в то время как экипажи других были уже на грани бунта.

В сильном расстройстве из-за продолжающихся неудач Медана заработал сердечный приступ и умер на острове Санта-Круз, где и был похоронен.

После этого примерно два столетия о Соломоновых островах никто не вспоминал. О

них просто забыли. Затем в очень быстрой последовательности острова были снова открыты – сначала Бугенвилем, а за ним – Шортлендом.

Оба мореплавателя быстро познакомились с отвратительными привычками местных жителей, охваченных страстью к каннибализму и охоте за человеческими головами. Это на долгие годы стало черным клеймом Гуадалканала.

«Морская хроника» за 1883 год сообщала о «гостеприимстве», на которое могли рассчитывать потерпевшие кораблекрушение у этих далеких берегов:

«Почти всех потерпевших кораблекрушение захватывают в плен туземцы. Спасшиеся моряки – а это, главным образом, англичане и американцы – подвергаются лишениям и жесточайшему -обращению, теряя всякое подобие свободы».

Предупрежденные подобным сообщениями, мореплаватели демонстрировали мало желания иметь дело с туземцами Соломоновых островов.

«Это – обитель смерти», – писал Джек Лондон. Американские морские пехотинцы использовали более крепкие выражения.

Действительно, это район предательских подводных рифов, отвратительных туземцев-язычников и кораблекрушений. Редко кто из моряков изъявлял желание вторично отправиться в плавание к Соломоновым островам, а те немногие, кому посчастливилось вырваться из туземного плена, до конца своих дней находились в шоке, вспоминая, как туземцы обгладывали кости их несчастных товарищей.

В силу этих и многих других причин Соломоновы острова оставались забытыми вплоть до путешествия, предпринятого сэром Джоном Джелико, бывшим главнокомандующим британским Гранд Флитом в годы Первой мировой войны.

Знаменитый британский адмирал совершил инспекционную поездку по Тихому океану, посетил голубую лагуну острова Тулаги и оценил значение архипелага для обороны своей островной Империи. Вскоре острова попали под английский протекторат. На Гуадалканале появилась английская администрация, резидент-губернатор, английский епископ и первые белые поселенцы, состоявшие либо из золотоискателей, либо из пьяниц.

С появлением англичан характер туземцев и их мерзкие древние обычаи претерпели радикальные перемены. Эти низкорослые мускулистые молодцы, столетиями ненавидевшие и вырезавшие чужеземцев, завербовались на службу в английскую полицию, чтобы насаждать и охранять британские законы.

В 30-е годы XX столетия на Соломоновы острова прибыло много белых поселенцев.

На острове Гуадалканал была развернута английская государственная радиостанция и в короткий срок построена база австралийского флота. На острове Тулаги начала действовать база Королев-, ских австралийских ВВС. В этот же период на островах появились обширные плантации братьев Левер и Бруно Филпа.

На прекрасном Тулагском пляже открылся офицерский клуб. А вскоре стихийно возник столь характерный для всех городков Азии и Океании местный «Чайнатаун» (Китайский квартал).

«Чайнатаун» состоял из единственной улицы с двумя питейными заведениями, несколькими развалюхами, собранными из рифленых железных листов, и двумя невзрачными отелями. Заселенный преимущественно китайцами, опустившимися белыми туземцами, этот поселок давал какой ни есть приют чужестранцам, заброшенным сюда превратностями судьбы.

Надолго здесь мало кто задерживался. Только небольшая группа белых капитально

осела здесь в 1865 году, когда их парусник «Сен Пол» разбился о скалы острова Саво.

Отделенный от острова Тулаги небольшим проливом возвышался Гуадалканал – земля копровых плантаций и золотоискателей. К этому времени туземное население Гуадалканала составляло всего лишь нескольких тысяч человек.

Колонизация Гуадалканала шла медленно – мало кто из прибывших на остров был в состоянии выжить в этом жарком, влажном малярийном климате. Также мало оказалось тех, кто рисковал войти в непроходимые заросли островных джунглей и поселиться в них.

Но Гуадалканал был самым большим островом архипелага – длиной почти в 90 миль, шириной – 25 миль. За грядой непроходимых джунглей вздымались на высоту 2000 метров потухшие вулканы, на склонах которых трудились золотоискатели, просеивая наносные и оползневые породы в поисках золота. Но добытого не хватало даже на существование.

Начавшаяся в 1939 году Вторая мировая война в первое время почти не сказалась на жизни обитателей Соломоновых островов. Правда, австралийское правительство с начала войны пыталось организовать береговую охрану, подбирая туда людей, привыкших к островной жизни и имевших опыт общения с туземцами.

«Если здесь высадятся японцы, – иронизировал один из австралийских офицеров, – они не найдут здесь ничего кроме не прекращающихся дождей и непролазной грязи».

Но в конце концов японцы все-таки пришли, медленно развивая свое наступление с северного направления – со стороны архипелага Новая Британия и со своей главной базы в Рабауле.

Первые японские самолеты появились над островной грядой в марте 1942 года, что вынудило австралийское командование перенести свою радиостанцию на соседний остров Танамбоко, оставив на прежнем месте только ее макет, спровоцировавший японские бомбардировщики на первый налет.

По мере того как бомбардировки с воздуха становились все чаще, австралийская администрация во главе с-резидентом губернатором сочла за благо покинуть острова. Бомбежки происходили два раза в день, а 1 мая Тулаги подвергся особо тяжелому и жестокому налету, в ходе которого австралийские ВВС потеряли свой последний гидросамолет и, решив больше не испытывать судьбу, эвакуировались с острова Тулаги. Японцы стали готовиться к захвату архипелага.

В штабе в Рабауле давно уже шла подготовка к широкомасштабной десантной операции.

Войска грузились на транспортные суда. Части 17-й японской армии перебрасывались в этот район на самолетах. Был усилен 8-й флот, ожидалось прибытие нового командующего так называемым «Внешним периметром обороны южных морей». Действительно вскоре к островам подошли 11 японских.боевых кораблей под флагом контрадмирала, эскортирующих транспорты с инженерными и строительными частями.

Глава I

Прошло два дня.

Контр-адмирал японского Императорского флота Кийохиде Шима – коренастый человек с плотно сжатыми губами, которому было поручено командовать вторжением на остров Тулаги, был оповещен, что все готово к немедленному началу операции.

Подняв флаг, на минном крейсере «Окиноси-ма», адмирал Шима повел свое соединение из Рабаула, направляясь в пролив «Щель».

Обнаружив японские корабли в проливе, один из офицеров австралийской береговой охраны прокричал по радио:

«Срочно! Тысячи враждебных кораблей вошли в пролив!»

Это произошло 3 мая в ясный и приятно прохладный для Соломоновых островов день.

Персонал австралийской береговой охраны на острове Тулаги гордо отказался от эвакуации, когда была такая возможность, совершенно не думая о том, что японцы могут появиться так быстро, и считая, что смогут покинуть остров, когда им вздумается.

Сообщения о надвигающейся «сфере японского сопроцветания» поступали все время по мере японского продвижения к югу, но только сейчас была объявлена тревога, и о появлении противника было доложено генералу Макартуру, который в своем штабе уже разработал планы пресечения дальнейшей экспансии противника в южном направлении.

17-е оперативное соединение американского адмирала Флэтчера, состоявшее из авианосцев «Лексингтон» и «Йорктаун» с кораблями охранения, появилось в Коралловом море, готовое противостоять дальнейшему японскому продвижению в сторону Новой Гвинеи и Австралии.

Тем временем адмирал Шима, не встречая никакого сопротивления, подошел к острову Тулаги. Встав на якорь, японские корабли приступили к высадке десанта. Австралийские береговые охранники благоразумно не сделали ни одного выстрела.

Силы десантников адмирала Шима состояли из пулеметной роты при двух орудиях под командованием лейтенанта Юнтаро Мариама. Вторая десантная группа лейтенанта Юнтаро Мариама высадилась на остров Гавуту.

Контр-адмирал Щима в радостном возбуждении мерил шагами мостик минного крейсера «Окиносима». Захват стратегически важных островов прошел без единого выстрела. Правда, и сил ему выделили гораздо меньше, чем он рассчитывал, но адмирал знал, что дальше к югу, нацелившись на Порт-Морсби (на восточном берегу Новой Гвинеи) начало действовать мощное оперативное соединение контр-адмирала Тадачи Хара, построенное вокруг ударных авианосцев «Секаку» и «Дзуйкаку» и легкого авианосца «Сехо». Эти силы, помимо выполнения собственных задач, обеспечат и ему, Шиме, добавочное прикрытие…

Захват островов Тулаги, согласно общему плану штаба Объединенного японского флота, означал дальнейшее продвижение на юг в направлении Австралии, блокаду всех Соломоновых островов и пресечение коммуникационных линий между Соединенными Штатами и Австралией. Захват порт-Морсби должен был завершить этот процесс и поставить Австралию перед реальной угрозой оккупации.

Американское командование отлично видело и осознавало серьезную угрозу, приняв необходимые меры.

В нескольких сотнях миль от кораблей адмирала Шима, наслаждавшихся полным покоем в проливе «Щель», пятидесятишестилетний командующий 17-м американским Оперативным соединением контр-адмирал Джек Флетчер, находясь на борту своего флагманского авианосца «Йорктаун», получил пространное донесение о том, что Соломоновы острова находятся под прямой угрозой японской оккупации.

Прочитав это донесение, Флэтчер приказал «Йортауну» исходящему в его соединение второму авианосцу «Лексингтон» прервать прием топлива и приготовиться к нанесению воздушного удара, по району Тулаги.

Всю ночь американские авианосцы шли в направлении Соломоновых островов со скоростью 24 узла… Всех беспокоил вопрос: удастся ли захватить японские корабли на месте выгрузки десантного снаряжения?

В 06:30 следующего утра при северном ветре и довольно крупной волне «Йорктаун», развернувшись против ветра, начал выпускать в воздух свои бомбардировщики и торпедоносцы. Всего в ударную волну входили 12 торпедоносцев типа «Девостейтер» и 28 пикирующих бомбардировщиков типа «Донтлес».

В прикрытие были выделены шесть истребителей типа «Вилдкэт».

В то время как радисты на «Иорктауне» потели, не отходя от приемников и. ожидая ка^ ких-нибудь известий «от этого проклятого радио», как выразился адмирал Флэтчер, американские самолеты уже были на подлете к Соломоновым островам. Под ними, покачиваясь на якорях, находилось все соединение адмирала Шимы-11 кораблей.

Расчеты зенитных орудий не были на местах, а сам адмирал Шима находился в своей каюте, где просматривал последние токийские газеты, недавно доставленные в Рабаул. Небо было чистое, погода жаркая и безветренная.

Неожиданно до адмиральских ушей долетел рев приближающихся самолетов. Шима выскочил на мостик «Окиносимы», увидев, как с юга стремительно приближаются американские бомбардировщики и торпедоносцы. Японские моряки стремительно разбегались по боевым постам под пронзительный вой сирен воздушной тревоги; приказы, которые хотел отдать Шима, потонули во взрывах американских бомб.

Корабли Шимы были захвачены врасплох, находясь в самом беспомощном состоянии.

*** * ***

В репродукторах радиорубки «Йорктауна» неожиданно раздался голос ведущего ударной волны лейтенанта Билла Шорта:

«Они под нами! мы атакуем!»

Грохот взрывов и возбужденные крики пилотов слились в эфире в один общий гул.

Адмирал Флетчер взглянул на часы: было 08:15. Кто-то принес адмиралу чашку кофе, и он, закурив сигарету, опустился в свое кресло на флагманском мостике авианосца. Б конце концов, что ему оставалось делать, ожидая результатов атаки.

«Послушаем сражение», – предложил он офицерам своего штаба, сгрудившимся у репродуктора.

Его оппонент адмирал Шима тем временем вел борьбу за выживание. С опозданием

открыли огонь зенитные орудия «Окиносимы», включаясь в общую грубую какофонию. Столб огня и дыма взметнулся над эсминцем «Кикидзуки» – пятисоткилограммовая бомба угодила прямо в середину корабля.

Эсминец резко накренился и опрокинулся.

Гейзеры черной воды вздымались на сотни футов над водой, кораблями приходилось управлять в каком-то диком танце смерти.

Американские пикирующие бомбардировщики, жужжа как разъяренные шмели, продолжали атаку.

В страшном взрыве разлетелся на атомы японский транспорт, имеющий на борту 14 тонн взрывчатки.

Затем вступили в бой торпедоносцы, стелясь низко над поверхностью воды. Уклоняясь от их атаки, транспорт «Там-Мару» столкнулся с другим транспортом. Оба судна сумели выброситься на берег.

Адмирал Шима охрипшим голосом пытался вызвать воздушное прикрытие со своих авианосцев. «Окиносима», отчаянно маневрируя под этим ливнем стали и огня, остался на плаву, но через неделю ему уже не. так повезло – минный крейсер был потоплен американскими бомбами.

Следующей жертвой стал эсминец «Юдзуки». Все находившиеся на мостике были убиты взрывом бомбы, а сам корабль перевернулся.

В 16:43 американские самолеты, участвовавшие в налете на соединение адмирала Шима, вернулись на «Йорктаун». Приняв самолеты, Флетчер приказал немедленно покинуть этот район, направляясь с двумя своими авианосцами в Коралловое море, чтобы занять исходную позицию для удара по авианосцам японского адмирала Хара.

В разгоревшемся сражении, ставшем первой в истории дуэлью авианосцев, американцам удалось уничтожить японский легкий авианосец «Сехо» и по крайней мере вывести из строя на несколько месяцев оба первоклассных ударных авианосца противника «Секаку» и «Дзуйкаку».

Потери американского флота были примерно равными японским потерям: авианосец «Лексингтон» был потоплен, «Иорктаун» – поврежден. Но стратегическая победа была явно на стороне американского флота: была ликвидирована угроза захвата японцами Порта Морсби.

Между тем, адмирал Шима, опомнившись от шока, вызванного налетом на его корабли самолетов с «Йорктауна», собрал уцелевшие корабли и продолжил операцию.

«Японцы укрепляют Тулага, Танамбого и Гавуту, работая день и ночь, возводя оборонительные сооружения на этих островах», – докладывал один из офицеров австралийской береговой охраны, – в гавани оборудована база гидросамолетов, которые патрулируют водный район, окружающий острова, совершая ежедневные патрульные полеты.

Ведя наблюдения с вершины горы Голд Ридж на высоте 1600 метров, офицер сообщал: «Когда бы я ни взглянул в направлении острова Тулага, я всегда вижу вражеские транспорты, прибывающие туда с различными грузами».

Но в конце концов японские патрули переловили всех береговых охранников, и все происходящее в дальнейшем на Соломоновых островах стало тайной для американцев и их союзников.

Глава 2

Уинстон Черчилль, анализируя ход войны, заинтересовался дальнейшими намерениями американцев на Тихоокеанском театре.

Конкретно он запросил Соединенные Штаты: «Не могли бы они(оказать поддержку Австралии и Новой Зеландии, выделив каждой из этих стран по американской дивизии (для замены войск, сражающихся на Ближнем Востоке)… и рекомендовал разработать планы подготовки экспедиционных сил на западном побережье США для ведения боевых действий против японцев в 1943 году».

На запрос Черчилля президент Рузвельт ответил согласием.

По времени это совпадало с публикацией меморандума адмирала Кинга, направленного президенту, где говорилось:

«Мы не можем оставить на произвол судьбы Австралию и Новую Зеландию. Это наши братья, и мы не можем позволить японцам захватить их».

В телеграмме Черчиллю президент Рузвельт отметил:

«Сегодня не имеет смысла думать о Сингапуре и Голландской Индии. Они захвачены противником. Австралия же должна выстоять, и мы сделаем все, чтобы поддержать ее».

За этот период Соединенные Штаты смогли "разработать надежный план начала наступательной операции.

Промышленность США трудилась из всех сил, выковывая «Арсенал Демократии»: сотни, тысячи новых кораблей и самолетов. Люди работали сверхурочно, порой в две смены, переходили на шестидневную рабочую неделю.

В это же время была четко распределена ответственность между странами на театрах военных действий.

Генерал Макартур был назначен Верховным главнокомандующим союзных войск со ставкой в Австралии. В сферу его ответственности входили Австралия, Филиппины, Новая Гвинея, архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова.

Адмирал Нимиц в дополнение к должности командующего Тихоокеанским флотом США стал главнокомандующим всеми силами, расположенными в огромной акватории Тихого океана, включая его северную, центральную и южную части.

После разгрома японцев в сражении у атолла Мидуэй адмирал Кинг, как писали газеты, "стал бить во все колокола": необходимо немедленно развернуть наступление! Задать им жару! Бить их пока они не опомнились!

В итоге адмирал Кинг подписал директиву о немедленном начале наступательной операции против японских сил в южной части Соломоновых островов. Начало операции было назначено на 1 августа 1942 года.

Для высадки на острова была выделена 1-я дивизия морской пехоты дод командованием генерал-майора Александра Вандергрифта. Морских пехотинцев должно было поддержать оперативное соединение Флетчера, ставшего после боя в Коралловом море вице-адмиралом. Контр-адмирал Ричард Тэрнер должен был координировать все вопросы, связанные с высадкой морского десанта. Общее командование должен был осуществлять адмирал Гормли.

25 июня поступило сообщение о том, что разведывательный самолет обнаружил строительство японцами аэродромд на Гуадалканале…

Этот аэродром, будь он закончен, мог стоить союзникам всего Тихого океана, дав возможность японцам в очередной раз перейти в наступление.

Необходимо было спешить.

Кроме того поступили сведения, что японцы готовят очередную вылазку на атолл Мидуэй. Все это вызвало тревогу, заставляя действовать, не теряя времени.

Но тут начались совершенно неожиданные трудности. Никто не мог найти карту Соломоновых островов. Те карты, что в итоге удалось найти, были изданы британским Адмиралтейством в 1897 году. Более новыми считались немецкие карты 1908 года.

Такие карты вызывали, естественно, больше беспокойства, чем уверенности при планировании операции.

Адмирал Гормли стал первым командующим военно-морскими экспедиционными силами после 1898 года, но, к сожалению, оказался неудачником. После окончания первого грандиозного предприятия он мог радоваться только тому, что остался жив.

Гормли добросовестно подготовился к выполнению своей задачи – амфибийной операции на Соломоновы острова. 17 июля он представил на утверждение свой план операции с условным названием «Сторожевая Башня». Это был хороший план, воплотивший теоретические знания и способности прекрасных специалистов, знающих свое дело. Тактическое командование было возложено на адмирала Флетчера, перенесшего свой флаг на авианосец «Саратога».

Что касается адмирала Гормли, то он тоже перенес свой трехзвездный флаг из Новой Зеландии в Наумея, откуда намеревался руководить операцией.

Таким образом закончился подготовительный период.

Тем временем американская морская пехота находилась в полной готовности в Веллингтоне (Новая Зеландия). Единственное, что беспокоило генерала Вандергрифта – это то, что «он знал чертовски мало об объекте, который ему было приказано захватить».

Собственно, также мало были информированы и все другие участники операции

Разведывательные полеты самолетов, ведущих аэрофотосъемку, фактически ничего не добавили к уже имеющимся сведениям. Известно было только, что японцы оккупировали Гуадалканал и строили там аэродром.

Полковник Фрэнк Гэдж, начальник разведки 1-й дивизии морской пехоты, разыскивал, где только мог, бывших жителей Соломоновых островов – плантаторов, старателей, торговцев, проживающих ныне в Австралии и Новой Зеландии, убеждая их сообщить любую информацию, которая могла оказаться полезной.

К сожалению, полковнику удалось найти всего несколько человек, и ничего особо ценного они ему сообщить не смогли.

Но все-таки из их показаний удалось составить, с его точки зрения, довольно цельную картину того, что из себя представляют острова Гуадалканал и Тулаги.

Во-первых, выяснилось, что эти острова, хотя и находятся рядом, совсем не похожи друг на друга.

Тулаги – сравнительно небольшой островок, заросший деревьями, с подступающими к самому срезу воды скалистыми берегами. Лишь в нескольких местах встречались участки низкого берега, где было возможно проводить высадку.

Наиболее важные сведенья содержались в сообщениях о необычно удобных гаванях островков Тонамбоко и Гавуту.

Что касается Гуадалканала, то он находился в 20 милях по другую сторону канала

Силарк. Главными достопримечательностями острова, которые стали известны Гэджу, были дожди и малярия.

Подобная скудная информация была все-таки на порядок лучше, чем полнейшее ничего.

Штаб японских сил находился на Тулаги. Штабы подчиненных подразделений были развернуты также на Тонамбоко и Гавуту.

На Гуадалканале строился аэродром. Предполагалось, что всего на островах высадилось 8000 японских солдат и около 2000 строителей.

Наконец, преодолев все преграды и помехи, 22 июля морские пехотинцы, эскортируемые крейсерами и эсминцами адмирала Тэрнера, приступили к генеральной репетиции. В течение последующих трех дней десант высаживался на острове Фиджи,

Репетиция оставила жалкое впечатление даже у самого генерала Вандергрифта. Но запас времени был уже полностью исчерпан.

Десантные силы под эскортом боевых кораблей направились к Соломоновым островам. Находившийся на транспорте «Крисчен Сити» корреспондент Ричард Трегаскис нашел морских пехотинцев после всей неразберихи с «генеральной репетицией» в весьма веселом настроении.

В течение всего дня на транспорте звучала веселая музыка и взрывы смеха.

Капеллан Френсис Келли отслужил молебен, как всегда, в две смены: сначала для католиков, а потом – для протестантов. Желающие могли приобрести сладости в судовой лавке. Проводниками десантников были бывшие владельцы копровых плантаций, хорошо знавшие местность вокруг своих плантаций и характер многочисленных рек, соединяющих плантации с морскими берегами острова Гуадалканал.

Большая часть морских пехотинцев, собираясь на верхней палубе транспорта, любовались солнечными бликами на гладкой поверхности моря, напоминающими им монеты в полдоллара.

Последняя ночь перехода была ясной, море – спокойным. В ночной тиши на палубе слышался только плеск волн под форштевнем судна. Водная гладь местами светилась фосфорическим блеском. У многих возникали мысли о возможных атаках подводных лодок, но до сих пор ни одной лодки не было обнаружено.

Луна, в первой своей четверти, тускло освещала корабли, оставляя на поверхности моря длинную серебристую дорожку. Впереди по курсу и на флангах темнели силуэты крейсеров и эсминцев охранения.

Ночью морские, пехотинцы валялись внизу на трехъярусных койках, но мало кто из них спал.

За десять минут до трех часов ночи десантные силы разделились на две группы: одна направилась к лежащему в стороне Гуадалканалу, остальные продолжали движение к туманному силуэту острова Саво, за которым находился остров Тулаги.

Никто из находившихся на палубах не мог оторвать взгляда от смутно вырисовывающихся громад островов. Удастся ли поймать противника врасплох?

Было 05:30. Начавшийся рассвет осветил все каким-то призрачным серым светом. На авианосцах «Энтерпрайз», «Уосп» и «Саратога» со взлетных палуб срывались самолеты, чтобы быть над указанными целями к началу артиллерийской подготовки.

Десантники сверили часы.

В 06:13 восьмидюймовые орудия тяжелого крейсера «Куинси» послали первые снаряды в направлении мыса Лунга на Гуадалканале. Тяжелые крейсера «Астория», «Винсенес» и

«Канбера» откликнулись на этот сигнал мощными бортовыми залпами. Затем самолеты с авианосцев нанесли бомбовые удары по береговым объектам. Десантники в полном боевом снаряжении сгрудились на верхних палубах, ожидая сигнала к высадке.

Где-то, почти у горизонта, были видны оранжевые вспышки взрывов и слышался гул мощных залпов тяжелых корабельных орудий.

Над берегами Гуадалканала и Тулаги поднимались столбы черной земли и бурого дыма. С бортов транспортов были спущены грузовые сети и над морем повисли на шлюпбалках десантно-высадочные средства.

В 06:47 с мостика десантного судна «Невиль» капитан 1 ранга Джордж Эйш, командир транспортного дивизиона, дал судьбоносную команду:

«Приступить к высадке десанта!»

Глава 3

Командующий японским 8-м флотом в Рабауле, находившимся в 570 милях от места высадки союзных сил, спокойно спал в обветшавшем сером здании, где располагался его штаб.

Это был контр-адмирал Гуничи Микава, пятидесятитрехлетний моряк с огромным боевым опытом. Микава участвовал в операциях против Перл-Харбора и у Мидуэя, командуя крейсерами сопровождения авианосцев адмирала Нагумо.

Первым, получившим плохие новости, стал капитан 1 ранга Тараока Хадаи, начальник службы связи в штабе у Микавы. Прочитав сообщение, потрясенный Хадаи, дрожа от злости, влетел в помещение, где спал Микава и разбудил командующего.

Придя в себя спросонья Микава прочитал следующее сообщение:

«Тулаги подвергается сильной бомбардировке с моря и воздуха силами неизвестного противника. Линкор неустановленного типа, два авианосца, три крейсера, 15 эсминцев и около сорока транспортов, принадлежность которых неизвестна, находятся вблизи острова».

Реакция Микавы была незамедлительной. Натягивая и застегивая китель, он приказал:

«Поднять штаб! Доставить все карты и схемы атакованного района! Поднять всех командиров кораблей. Я буду на месте через пять минут».

Микава – мягкий в обращении интеллектуал, опытный и образованный адмирал, все еще находился в подавленном состоянии, не в силах придти в себя после поражения у Мидуэя. Он жаждал получить свой личный шанс отмщения за потерю у Мидуэя четырех первоклассных авианосцев: «Акаги», «Kara», «Сорю» и «Хирю», тяжелого крейсера «Микума», 350 самолетов и лучших летчиков японской морской авиации.

Капитан 1 ранга Хадаи принес тем временем командующему еще одну радиограмму, где говорилось:

«06:30. Противник проводит одновременную высадку на Тулаги и Гуадалканал».

Побледнев, Микава подошел к карте, где штабные офицеры уже отметили районы вторжения и сделали расчет расстояний. Однако взгляда на карту было достаточно, чтобы убедиться, что наличных сил 8-го флота для задуманной Мика-вой операции явно недостаточно.

В Рабауле находились два легких крейсера «Тенрю» и «Юбари», а также эскадренный миноносец «Юнаги». Адмирал приказал этим кораблям. находиться в немедленной готовности к выходу в море. У Кавиенга, дальше к северу, находилась 6-я дивизия тяжелых крейсеров в составе: «Чокай», «Аоба», «Кинугаса», «Фурутака» и «Како». Два крейсера 6-й дивизии находились в полной готовности, и Микава приказал им, не ожидая готовности остальных, немедленно выходить в море.

К выходу была готова и 7-я эскадра подводных лодок, немедленно получившая приказ следовать к Гуадалканалу и решительно атаковать американские корабли, беспорядочно сгрудившиеся у пологих пляжей района высадки. Пять подводных лодок тут же вышли в море. Кроме того, адмирал направил в район Гуадалканала эсминцы «Татсута», «Юдзуки» и «Идзуки».

Флагманский штурман Микавы капитан 1 ранга Охмаи уже сделал необходимые расчеты времени прихода в намеченные точки, расхода топлива и многого другого. Микава был намерен прибыть в район Гуадалканала примерно в полночь. Затем необходимо было

подумать о воздушном прикрытии. В районе Гуадалканала, по сведениям разведки, находились минимум два американских авианосца.

Однако, офицер по связи с авиацией капитан 2 ранга Накидзима выслушал слова командующего без всякого энтузиазма и стал отнекиваться, заявив, что самолетам в районе Гуадалканала просто негде совершить посадку.

Впрочем, Микава и сам не очень полагался на свою авиацию. Он знал, что в Рабауле имелось всего 78 самолетов разных типов и что большая их часть выведена из строя налетами авиации противника.

В этот самый момент у далекого Гуадалканала американский легкий крейсер «Сан Жуан» уже направлял свои орудия на небольшое белое строение, где находилась японская радиостанция. Че-. рез несколько минут японская времянка вместе с радиопередатчиками взлетела в воздух, хотя радисты успели отправить, а в штабе адмирала Микавы сумели принять еще одну радиограмму, предназначенную гарнизону острова Тулаги.

Адмирал прочел ее, сжав челюсти. Текст радиограммы гласил:

«Противник имеет подавляющее превосходство. Мы намерены сражаться до конца».

Между тем, Накадзиме удалось собрать авиагруппу из 27 бомбардировщиков с несколькими истребителями «Зеро» в качестве прикрытия. В 08:30 авиагруппа поднялась в воздух, направляясь к Гуадалканалу, о чем Накадзима доложил командующему.

Теперь адмирал стал думать, где собрать достаточно солдат, чтобы, высадив десант на Соломоновы острова, отбить их у американцев.

Пока он безрезультатно пререкался с командованием 17-й армии, в 10:30 над Рабаулом внезапно появились незваные гости. Над головами разъяренных японских моряков раздался мощный рев тринадцати летящих крепостей Б-17, вылетевших для превентивной бомбардировки японских баз в районе высадки. Самолеты вылетели из Австралии. Ведомые подполковником Ричардом Кармичелом, 16 «крепостей» совершили промежуточную посадку в Порт Морсби, где дозаправились горючим.

Их целью была бомбардировка аэродрома Юнакау в Рабауле.

Один Б-17 потерпел аварию на взлете, два – вернулись обратно из-за неполадок в двигателях, но остальные тринадцать долетели до цели и теперь рев их мощных моторов оглушил адмирала Микаву,

Адмирал облегченно вздохнул, когда убедился, что целью американских бомбардировщиков являются не его корабли, а аэродром.

Совещание было прервано, и офицеры во главе с Микавой высыпали из здания, чтобы лично пронаблюдать за действиями бомбардировщиков противника.

Б-17 буквально перепахали японский аэродром. Один бомбардировщик был сбит истребителями. Воздушные стрелки «крепостей» также сбили несколько японских истребителей. Они уверяли, что семь.

Адмирал Микава и его штаб наблюдали за представлением в течение нескольких минут. Затем они вернулись в здание и продолжили совещание..

В 10:45 капитан 1 ранга Охмаи обратил внимание адмирала на тот факт, что корабли, которым предстояло участвовать в задуманной операции, не имеют опыта совместного плавания.

Микава сам это хорошо знал, и тревожило его это не меньше, чем капитана Охмаи. Если не считать 6-й дивизии крейсеров, его корабли даже ни разу не плавали в одной кильватерной колонне. Адмирал успокоил своего флагманского штурмана:

«Командиры кораблей – опытные ветераны. Пойдем одной кильваторной колонной. Они справятся».

Курс был проложен через пролив «Щель», где глубины были такими, что в проливе мог пройти даже линкор. Рисковать, проходя другими подходами, совсем не хотелось из-за крайне неточных карт.

К полудню все детали плана были отработаны, согласованы и радированы для утверждения в Токио. Ответ не заставил себя ждать.

«Опасно и безрассудно», – радировал Микаве начальник Главного Морского Штаба адмирал Нагано.

Впрочем, Нагано в конце концов дал себя уговорить офицерам штаба и в итоге разрешил проведение операции. Он только выразил беспокойство по поводу воздушного прикрытия.

Микаву это, если и беспокоило, то не очень. Он оставался «линкорным адмиралом». Отдавая должное возможностям авиации, он все-таки искренне считал, что «добрый бортовой залп» орудий* главного калибра, куда лучше бомбежек с воздуха.

До 13:00, когда в гавань Рабаула пришел тяжелый крейсер «Чокай», Микава и офицеры его штаба отрабатывали последние детали предстоящей вылазки.

Их работу прервала вторая воздушная тревога за сегодняшний день. К счастью, она оказалась ложной. Это возвращались на базу самолеты Накадзимы, так и не сумевшие обнаружить противника.

Микава молча выслушал доклад командира авиагруппы. Содержание лишь усилило его раздражение против американцев и укрепило в принятом решении: утопить все вражеские корабли, собравшиеся у Гуадалканала, как можно быстрее.

В 14:30, закончив отработку всех деталей предстоящей операции, адмирал и офицеры его штаба прибыли на борт тяжелого крейсера «Чокай».

Боновое заграждение гавани было разведено, и флагманский корабль в сопровождении легких крейсеров «Тенрю» и «Юбари» вышел в открытое море. На нок-рее красавца «Чокай» развевался на ветру флаг адмирала Микавы, купаясь в ярких лучах послеполуденного солнца.

Настроение адмирала Микавы резко повысилось. Как было прекрасно находиться в такой день в море, чувствовать дрожание палубы под ногами.

Находясь на правом крыле флагманского мостика и слыша, как его штабные продолжают обсуждать детали предстоящего сражения, адмирал, подставив лицо под освежающие порывы ветра, мысленно перенесся в свой дом на окраине Токио, куда он возвратился после Мидуэя и оставался в столице вплоть до назначения на нынешний пост командующего 8-м флотом.

Он провел дома всего несколько дней, постоянно размышляя о происшедшей катастрофе у Мидуэя. Сидя в тщательно ухоженном садике, Микава мысленно воспроизводил каждую подробность сражения авианосцев, стоившую Японии потери инициативы в войне.

Микаву, как и всех других флаг-офицеров, участвовавших в сражении у Мидуэя, кошмарное поражение буквально оглушило и поставило в тупик. Никакого рационального объяснения этому разгрому не было найдено.

30 июля 1942 года Микава, назначенный командовать 8-м флотом империи, уже прибыл в Ра-баул на борту тяжелого крейсера «Чокай» в сопровождении девяти эсминцев

охранения.

Теперь на том же борту видавшего виды старого флагманского крейсера «Чокай» он повел свою эскадру в бой, надеясь, что удастся нанести «ликующим янки» удар возмездия за Мидуэй.

Через три часа после выхода кораблей из рабаула с сигнального мостика доложили: на горизонте обнаружены мачты. Вскоре уже можно было различить соединение боевых кораблей. Микава, вскинув бинокль, опознал силуэты еще четырех тяжелых крейсеров своей эскадры. На соединение с «Чокай» спешили «Аоба», «Фуру-така», «Кинугаса» и «Како». На флагмане поднялся сигнал:

«Занять места в строю согласно диспозиции».

С наступлением сумерек японские крейсера находились в 15 милях от побережья Новой Ирландии, следуя курсом 110 градусов, рассчитывая подойти к месту американской высадки с севера.

День предстоял быть долгим и изматывающим. Микава покинул мостик и спустился к себе в каюту, чтобы выпить чаю. Несколько часов он провел в своей каюте в полном одиночестве перед портретом Императора Хирохито в золоченой раме.

Глава 4

В 20:00 с крейсеров адмирала Микавы был обнаружен на поверхности воды какой-то странный объект. Сигнальщик закричал:

«Объект слева на траверзе! Это – подводная лодка противника!»

Море было спокойным, но видимость оставляла желать много лучшего.

За минуту до крика сигнальщика адмирал Микава поднялся на мостик и зашел в штурманскую рубку, чтобы посоветоваться с командиром крейсера капитаном 1 ранга Микио Хайакава.

Сигнал тревоги заставил адмирала и командира выскочить на мостик. Они успели разглядеть американскую подводную лодку, совершающую срочное погружение. Собственно, они успели разглядеть только ее рубку.

Капитан 1 ранга Хайакава немедленно скомандовал: «Лево на борт!»

Сигнальщики вглядывались в темную поверхность моря, стараясь заблаговременно обнаружить следы торпед. Но их не оказалось.

Это была подводная лодка С-38, командир которой капитан 3 ранга Х. Мансон упустил свой шанс рассеять целое стадо японских тяжелых крейсеров.

Но Мансон – ветеран американского подводного флота – относился к числу людей, не долго переживающих из-за неудач. Быстро составив и зашифровав текст радиограммы, он приказал радисту передать ее в штабы управления десантом на Гуадалканал. Текст радиограммы гласил: «Два эсминца и три более крупных корабля двигаются полным ходом на юго-восток».

Хотя из-за темноты Мансону не удалось точно определить состав японского соединения, эта радиограмма была уже вторым сообщением о приближении эскадры Микавы, поступившая в район высадки американского десанта.

Первую передал бомбардировщик Б-17, обнаруживший крейсера Микавы, когда те следовали в точку рандеву.

Сам же Микава был слишком занят деталями предстоящей операции, чтобы тратить время на раздумья по поводу встречи с подводной лодкой противника. Его восемь кораблей шли тридцатиузловым ходом на встречу со своей судьбой. И эту встречу нельзя было откладывать несмотря ни на какие тревоги и предзнаменования. Адмирал и командир «Чокай» вернулись в ходовую рубку, возобновив прерванное совещание.

Корабли Микавы обладали впечатляющей огневой мощью: 34 восьмидюймовых (203 мм), десять 140 мм, 27-120 мм орудий и 62 торпедных аппарата. Все корабли несли на носу и корме мощные прожекторы. Поскольку у японцев не было радаров, была детально разработана тактика ночных боев, доведенная учениями и тренировками до полного совершенства.

Японский прожекторист мог взять цель в луч прожектора на расстоянии четырех миль даже в ненастную погоду с туманом. Специальные бинокли ночного виденья, имевшиеся у японцев, значительно превосходили те, что имелись у противника. А парашютные осветительные ракеты вообще не имели аналога в мире.

Но наибольшую угрозу составляли японские торпеды – смертоносные «длинные копья» – диаметром 24 дюйма с зарядом 1000 фунтов тротила. Дальность их действия при скорости 49 узлов составляла 11 миль, а при скорости 36 узлов – 20 миль. Это превосходило все, что

мог противопоставить противник.

Американские торпеды, для сравнения, несли всего 750 фунтов взрывчатки и при скорости 45 узлов могли пройти только 3 мили, а при скорости 26,5 узлов – 7,5 миль. Кроме того, американские торпеды постоянно не взрывались, а японские действовали безотказно.

Единственное, в чем японцы уступали американцам – у них не было радиолокаторов, что более чем странно, поскольку направленную антенну радиолокатора изобрел японский ученый доктор Хидетсуги Яги еще в 1932 году.

Однако ничего не было сделано, чтобы внедрить это удивительное изобретение в Императорском флоте до тех пор, пока уже не стало слишком поздно.

Соединенные штаты и Великобритания, напротив, воспользовались изобретением доктора Яги, начав установку радаров на свои корабли еще в предвоенные годы, когда на их линкорах и авианосцах появились «матрасные сетки» – антенны первых радиолокаторов.

В Японии же первые радиолокаторы были установлены на линкорах «Хьюга» и «Изе» лишь в самый канун сражения у Мидуэя. Их не успели ни испытать, ни опробовать, а будь у соединения адмирала Нагумо радиолокаторы, исход сражения у Мидуэя мог быть совсем другим…

Адмирал Микава провел большую часть вечера в своей флагманской рубке, затем ушел отдыхать к себе в каюту, приказав разбудить его в 05:15, чтобы присутствовать при запуске с катапульт разведывательных самолетов.

Между тем его соединение с неумолимостью рока продолжало полным ходом приближаться к Гуадалканалу. Море было спокойным, легкий северный бриз навевал свежесть.

Ночь прошла без происшествий.

В 05:15 вестовой постучал в дверь адмиральской каюты. Микава уже встал и разрешил вестовому войти. Тот поставил перед адмиралом чашку чаю и миску с рисом. Адмирал поспешно умылся, одел форму и, слегка перекусив, поднялся на мостик.

Палубные гидросамолеты уже были готовы к катапультированию.

Утренний воздух был чистым и теплым. Стоя на флагманском мостике, Микава осмотрел свою эскадру, с тревогой поглядывая на небо – не появятся ли там внезапно бомбардировщики противника. Комплекс Мидуэя продолжал мучить адмирала. Он чуть не дал своим кораблям приказ рассредоточиться…,

В шесть часов утра «Чокай» запустил с катапульты гидросамолет № 1.

Пороховой заряд катапульты выстрелил маленьким серебристым самолетом параллельно водной поверхности. Гидроплан, медленно набирая высоту, сделал круг над кораблями и лег на заданный курс, направляясь на юг.

Со всех крейсеров слышались хлопки катапульт, выпускавших разведывательные самолеты. Звук авиационных моторов разнесся над блестящей водной поверхностью океана.

Адмирал Микава и офицеры его штаба оставались на флагманском мостике «Чокай», наслаждаясь кратким периодом отдыха.

Стояла прекрасная погода, позволяя офицерам надеть легкие открытые рубашки с короткими рукавами. Солнце, только что оторвавшись от горизонта, начало заливать розовой акварелью надстройки и палубы кораблей, на которых уже суетились матросы, готовя крейсера к бою.

В походном строю слева от «Чокай» шел легкий крейсер «Тенрю», справа – легкий крейсер «Юбари». Впереди, на расстоянии трех миль, возглавлял строй эсминец «Юнаги»,

ведя противолодочное охранение. За ним шел «Чокай». Его толстая, изогнутая в сторону кормы дымовая труба, почти касалась второй трубы – тонкой и вертикальной. Пагодообразные надстройки флагманского крейсера с нагромождением рубок и мостиков вызывали опасение за остойчивость корабля. Но это была иллюзия: крейсер обладал прекрасными мореходными качествами…

Адмирал Микава, подставив лицо утренним лучам восходящего солнца, томился в ожидании сообщений разведывательных самолетов, несколько раз запрашивая радиорубку: нет ли чего-нибудь нового?

Микава очень не любил подобного рода ожидания, нервно меряя шагами флагманский мостик. Его нетерпение было вознаграждено примерно через 15 минут, когда капитан 1 ранга Охмаи выскочил из радиорубки с донесением пилота с тяжелого крейсера «Аоба». Пилот сообщил, что в 10:00 к северу от Гуадалканала им были обнаружены: вражеский линкор, четыре крейсера и семь эсминцев.

Спустя тридцать минут самолет с «Аобы» снова сообщил: «Пятнадцать транспортов на севере». Летчик, по видимому, пролетал над островом Тулаги.

Но Микаве не хотелось полагаться на донесения только одного пилота, поэтому, нарушив радио молчание, он вызвал на связь штаб 25-й воздушной флотилии, чтобы получить от них какую-либо информацию. (Радиограмма Микавы была там принята, но штаб флотилии почему-то счел возможным задержать ответ).

Тем временем, развитие событий уже начинали беспокоить японского адмирала.

В 10:26 австралийский бомбардировщик «Хадсон» нарушил тишину безмятежного неба над кораблями Микавы, которые немедленно начали ложиться на ложный северо-западный курс.

«Хадсон» в конце концов исчез, и через 15 минут на крейсере начали возвращаться самолеты-разведчики. Но тут неожиданно вернулся «Хадсон», идя низко над водой с южного направления прямо к японским кораблям. Пришлось открыть зенитный огонь, чтобы отогнать нарушителя спокойствия. Но теперь Микава был встревожен, уже не на шутку.

Теперь можно было не сомневаться, что они обнаружены. Что делать, чтобы ускорить атаку и добиться внезапности?

Но потеряна внезапность или нет – ни у кого и в мыслях не было повернуть обратно. На борту «Чокай» не было трусов. Самурайские мечи уже были вынуты из ножен!

Все корабли дали ход 24 узла и направились к Гуадалканалу с расчетом подойти к острову в полночь или чуть позже.

В 16:30 флагманский крейсер поднял сигнал:

«Мы пройдем к югу от острова Саво и нанесем торпедный удар по главным силам противника. Затем пройдем вперед к острову Тулаги и нанесем торпедно-артиллерийский удар. После этого начнем отход к северу от острова Саво».

Это был дерзкий амбициозный план, успешное выполнение которого предполагало наличие постоянного элемента удачи.

Действительно, складывалось впечатление, что отчаянный игрок Микава имел на руках все четыре туза. Примерно через час на горизонте была обнаружена мачта. Это мог быть любой корабль, в том числе и американский линкор.

Но японские сигнальщики с расстояния 30000 метров сумели определить, что это японский гидроавиатранспорт «Акицусима» из состава 11-го флота. Транспорт направлялся

в залив Велла на авиабазу Гизо.

В радиорубке крейсера «Чокай» постоянно ловили «громкие и отчетливые» переговоры противника, ведущиеся открытым текстом. Это были переговоры между летчиками, возвращающимися на авианосец и самим авианосцем.

Места своего авианосец не сообщал, говоря только о «зеленой» и «красной» палубах, на которые нужно совершить посадку. Четкость приема вызвало у Микавы опасение, что американский авианосец, который хотя и не был обнаружен японскими пилотами, мог оказаться где-нибудь поблизости.

В 18:30 с тяжелого крейсера «Чокай» на все японские корабли был передан приказ приготовиться к бою и убрать с палуб все горючие и воспламеняющие материалы. С помощью прожектора на все корабли был передан следующий приказ адмирала Микавы:

«В лучших традициях Императорского флота мы вызываем врага на ночное сражение. Ожидаем, что каждый исполнит свой долг наилучшим образом».

Темнота, – уверенно рассуждал Микава, – должна будет укрыть японские корабли и дать возможность подкрасться к добыче как тигру.

С наступлением темноты корабли Микавы перестроились в боевой ордер.

Крейсера шли одной кильватерной колонной с расстоянием между кораблями 1200 метров…

День подходил к концу. Экипажам кораблей был предоставлен отдых, который они могли провести в молитве или в писании писем родным. Чувство сентиментальности в канун предстоящего боя присуще всем настоящим самураям.

Сам адмирал снова спустился в свою каюту, чтобы выпить чашку чая и в молитве испросить у Императора-Бога победы.

В 23:10 с крейсера снова запустили бортовые гидропланы. В полной темноте катапультирование самолетов было связано с большим риском, но все обошлось благополучно.

Тем временем, Микава вернулся на флагманский мостик и с его высоты оглядел вверенный ему флот. Ночь была темная и теплая. С юго-запада стал задувать свежий ветер.

Ветер сначала был легким – всего 4 узла, но в 23:30 неожиданно налетел шквал – один из капризов тропической природы, которых всегда следует ожидать в этих местах. Ветер усилился до 30 узлов, но затем стих, возвращаясь отдельными резкими порывами, как бы для того, чтобы распрямить боевые флаги на мачтах японских крейсеров. Корабли увеличили скорость до 26 узлов.

В радиорубке внезапно приняли сообщение сразу с трех разведывательных самолетов:

«Три крейсера противника патрулируют у восточного входа в пролив Саво».

На японских крейсерах прозвучал сигнал боевой тревоги.

Была полночь. Скорость хода увеличили до 29 узлов.

Как-будто электрический ток пронесся через все помещения флагманского корабля и далее – по всем кораблям эскадры и через всех людей на боевых постах, это означало, что для начала битвы осталось всего несколько минут.

Микава вышел из флагманской рубки и перешел на правое крыло мостика, где решил находиться в ходе боя.

В 00:40 на курсовом 20 левого борта открылся темный силуэт острова Саво.

Из репродуктора на мостике раздался голос впередсмотрящего:

«Тридцать градусов правого борта – корабль! Приближается!»

Все на мостике затаили дыхание.

Всего в 10000 метров курс «Чокай» пересекал американский эсминец. Японские комендоры держали корабль противника в прицеле, ожидая приказа.

Штабные начали дискуссию: стоит или нет уничтожить этот эсминец. Микава завершил эту дискуссию, приказав уклониться влево, уменьшив скорость до 20 узлов. Затем адмирал изменил команду, приказал уклониться влево на 10 градусов. Американцу спокойно дали удалиться своим курсом.

Снова прозвучал доклад вперед смотрящего:

«Корабль, 20 градусов слева!»

Микава взглянул в бинокль. Точно – второй американский эсминец, патрулировавший пролив, удалялся от японских кораблей. Фантастика!

«Право руль! Курс 150 градусов!» – скомандовал Микава.

Все понимали, что их не обнаружили просто чудом.

Прямо по курсу, отражаясь в низких облаках, вспыхивали языки пламени какого-то горящего американского корабля, видимо, поврежденного в ходе дневного налета японских самолетов.

В 01:30 адмирал сообщил свой план атаки. Сейчас соединение движется к югу от острова Саво. Именно там, судя по докладу разведывательных самолетов, находились три американских крейсера.

Адмирал Микава приказал увеличить скорость до 30 узлов, а также отправил эсминец «Юнаги» в конец своей колонны с приказом обнаружить и уничтожить американские эсминцы, с которыми они только что так удачно разошлись.

Вместе с капитаном 1 ранга Охмаи адмирал изучал карту, на которой, по докладам пилотов, были нанесены места американских крейсеров. Над ними из темноты прозвучал крик сигнальщика:

«Крейсер, курсовой угол семь градусов с левого борта!»

Резко развернувшись, Микава поднес к глазам бинокль. Это оказался не крейсер, а эсминец.

Затем раздался доклад, который так жаждал услышать Микава:

«Три крейсера, девять градусов справа по носу, движутся вправо!»

Японская осветительная ракета внезапно зажглась над американскими крейсерами, расстояние до которых было 800 метров. Почти сразу же раздался всплеск шлепнувшихся в море торпед.

Микава, стоя на открытом мостике с ночным биноклем в руках, впился глазами в цели. Все корабли, выпустив торпеды, открыли артиллерийский огонь. В этот момент Микава услышал грохот торпедного взрыва. Одна из выпущенных ими торпед попала прямо в середину неизвестного американского корабля.

Был 1 час 37 минут ночи.

Глава 5

Операция «Сторожевая Башня» уже в течение двух суток успешно осуществлялась американцами у Соломоновых островов. Морская пехота высадилась на острова Тулаги и Гуадалканал и выгружала свое снаряжение. Японцы бежали в горы, не оказав практически никакого сопротивления.

За двое суток погиб всего один морской пехотинец. И тот был убит случайным выстрелом из винтовки на борту эсминца «Литл». Его тело отправили на берег, где и похоронили…

За несколько минут до высадки первой волны десанта на Гуадаканал самолет с тяжелого крейсера «Астория» пролетел над пляжем предстоящей высадки.

Летчик доложил по радио, что на пляже все спокойно, никого нет, но «несколько японских грузовиков двигаются в направлении взлетной полосы аэродрома Лунга Филд»

Немедленно были вызваны самолеты с авианосца «Саратога», которые в течение нескольких минут уничтожили автоколонну.

Только в середине дня в небе появились японские самолеты, прилетевшие, видимо из Рабаула, где базировалась 25-я воздушная флотилия адмирала Ямада.

Предупреждение было получено заблаговременно на всех боевых кораблях и транспортах.

На борту австралийского тяжелого крейсера «Канбера», идущего проливом Силорк, зазвучали усиленные репродукторами боцманские дудки, означавшими, что за ними последует какое-то важное сообщение; затем раздался голос командира корабля капитана I ранга Франка Геттинга, пробасившего:

«Наш корабль будет атакован около полудня 24-мя торпедоносцами. Сигнал на обед будет дан в одиннадцать часов».

Приближение самолетов противника было обнаружено радиолокатором крейсера «Чикаго» на стоянии 43 миль. Японские самолеты не сумели поразить ни одной цели.

Около 15:00 с севера неожиданно появились еще две группы японских самолетов, не обнаруженных радарами. Правда, и на этот раз было ныне шума, чем результатов.

Японцам удалось добиться только одного попадания бомбой в эсминец «Мэгфорд», на котором были убиты 22 человека.

Но, как и в предыдущей атаке, истребители с авианосцев «Энетерпрайз», «Уосп» и «Саратога» перехватили атакующих и быстро расправились с ними, уничтожив всех кроме одного.

Начало темнеть.

Первый день высадки был особенно тяжелым для адмирала Тэрнера, озабоченного безопасностью своих транспортов. Он знал, что воздушные налеты противника не прекратятся и возможно появление надводных сил японцев.

Тэрнер попросил адмирала Маккейна направить летающую лодку «Каталина» для разведки пролива «Щель». Это было выполнено, но пилот не обнаружил японских кораблей.

Предупреждение, полученное с подводной лодки С-38. командир которой обнаружил соединение Микавы на траверсе мыса Сен-Джордж, почему-то совсем не встревожило американское командование.

Пусть катятся ко всем чертям! Такой примерно была реакция на радиограмму С-38.

Считалось, что японские корабли находятся далеко и занимаются какими-то своими делами.

Ночная темнота принесла долгожданный перерыв в налетах авиации на корабли, прикрывающие высадку с моря. Измученные моряки заснули у своих орудий. Состояние боевой тревоги заменили готовностью №2, позволяющую дать отдых половине экипажа. Особых причин для беспокойства не было ни у кого.

День 8 августа обещал прекрасную погоду. Боевая тревога была пробита на всех кораблях в 4 часа ночи.

С севера задувал слабый бриз, небо было чистым, обещая новые налеты японской авиации.

От улетевшего в Наумеа вице-адмирала Гормли была получена следующая радиограмма:

«Достигнутые к настоящему времени результаты позволяют каждому офицеру и рядовому гордиться нашими силами вторжения».

Однако многие испытали скорее не гордость, а растущее беспокойство. Слухи об обнаружении японских кораблей дошли до командования, и адмиралу Тэрнеру хотелось бы знать о них побольше.

Беспокоился и командующий силами прикрытия контр-адмирал Королевского флота Австралии Виктор Кратчли – высокий англичанин, заросший огненнорыжей бородой.

За завтраком на своем флагманском крейсере «Австралия» Кратчли прочел переданное Тэрнером донесение подводной лодки С-38.

Позднее Тэрнер успокоил его: летающая крепость обнаружила японские корабли вблизи Бугенвиля. Ничто не говорило о том, что они направляются на юг.

В ожидании более подробной информации, которая, как они считали, придет в самое ближайшее время, ни Тэрнер, ни Кратчли не приняли никаких контрмер.

В 10:28 они получили новую информацию от австралийского разведывательного самолета, вылетевшего из залива Мильни и обнаружившего соединение адмирала Микава, идущее южным курсом.

Но вместо того, чтобы нарушить радиомолчание и немедленно сообщить об обнаружении противника, что он обязан был сделать, пилот «Хадсона» провел большую часть второй половины дня без выхода в эфир, продолжая свой разведывательный полет, и лишь к концу дня доложил об обнаружении японских кораблей в штаб генерала Макартура в Брисбейне!

Тем временем, командир 25-й воздушной флотилии адмирал Ямада бросил в атаку очередную группу бомбардировщиков-торпедоносцев, приказав пробиться к американским кораблям любой ценой.

Японские самолеты были обнаружены на большом расстоянии и на их перехват вылетели истребители с «Энетерпрайза». Заблаговременно предупрежденные корабли снялись с якорей и приготовились к отражению налета.

Прорвавшихся через истребительное прикрытие японских бомбардировщиков встретила стена зенитно-заградительного огня.

Горящий японский двухмоторный «Мицубиси» упал в воду между двумя маневрирующими транспортами настолько близко, что с борта транспорта сбросили тонущим японским летчикам спасательные круги.

Не сумел уйти от авиабомбы эсминец «Джервис», но остался на плаву, хотя было видно, что ему потребуется крупный ремонт.

Серьезное попадание получил транспорт «Джордж Ф. Эллиот», по которому японский

пилот попытался нанести удар в стиле «камикадзе». Он врезался в кормовую вентиляционную шахту и мгновенно вызвал сильный пожар, через несколько минут вышедший из под контроля.

Впрочем, экипаж транспорта предпочел оставить судно, нежели бороться с огнем, а это позволило пожару разгореться еще пуще. Тэрнер послал эсминец с приказом потопить поврежденный транспорт торпедами. Эсминец выпустил в горевший «Джордж Эллиот» четыре торпеды, но те не взорвались из-за малого расстояния, поэтому транспорт и остался своего рода плавучим маяком, по которому и ориентировались подходящие крейсера Микавы.

Других налетов, которые смогли бы прервать разгрузочные работы, во второй половине дня не было.

Примерно в тоже время пилот второго «Хадсона» обнаружил японское соединение, которое отогнало его зенитным огнем. Но опять, по непонятным причинам, никакого сообщения с самолета получено не было!

Поэтому Тернер и Кратчли готовились к отражению новых воздушных налетов, а о возможности боя с японскими надводными кораблями у них даже мыслей не было. Тем более, что Тернер столкнулся с новой проблемой: адмирал Флетчер предупредил его, что в связи с необходимостью пополнения запасов горючего его авианосцы не смогут оставаться в районе боевых действий более чем двое суток.

Тэрнер был взбешен.

Он заявил Флетчеру, что ему только для разгрузки транспортов в непосредственных районах высадки необходимо шесть суток.

Но Флетчер ничего не хотел слушать.

В 18:07, когда солнце скрылось за мысом Эсперанс и только вспышки выстрелов морской пехоты обозначали берега островов, Флетчер дал шифровку адмиралу Гормли:

«Количество боевых самолетов уменьшилось с 99 до 78.

Учитывая большое количество торпедоносцев и бомбардировщиков противника, действующих в этом районе, считаю необходимым немедленно отвести свои авианосцы. Прошу незамедлительно направить мне танкеры – горючее на исходе…»

Адмирал Гормли, находившийся слишком далеко от места событий, был не в состоянии как-то повлиять на решение Флетчера, а Тэрнеру не оставалось ничего другого, как приказать своим силам прикрытия занять места согласно ночной диспозиции.

Что касается английского адмирала Кратчли, то в его задачу входило обеспечение безопасности транспортов, разгружавшихся у островов Тулаги и Гуадалканал.

Пролив Саво делился на три участка: Северный, Южный и Восточный, и каждый из этих участков должен был быть обеспечен прикрытием боевых кораблей на случай любых неожиданностей.

Южный участок прикрывали австралийские тяжелые крейсера «Австралия» (командир – капитан 1 ранга Гарольд Фрэнком) и «Канбера» (капитан 1 ранга Фрэнк Геттинг), а также американский тяжелый крейсер «Чикаго» (капитан 1 ранга Говард Бод) вместе с эсминцами «Паттерсон» (капитан 3 ранга Фрэнк Уолкер) и «Бэгли» (капитан-лейтенант Джордж Сенклер).

Эти корабли в течение некоторого времени плавали вместе в Коралловом море.

Они достаточно хорошо сплавались, зная сигналы и тактические приемы друг друга, что было в те дни достаточной редкостью для кораблей разных, пусть даже союзных стран. Их

линия патрулирования простиралась от середины острова Саво в направлении 125 градусов, что обеспечивало блокирование прохода между островом Саво и мысом Эсперанс.

Воды северного участка – к северу от линии Саво-Флоридских островов патрулировали американские тяжелые крейсера «Винсенес» (капитан 1 ранга Фридерик Рифкол), «Астория» (капитан 1 ранга Уильям Гринмэн) и «Куинси» (капитан 1 ранга Самуэль Мур), эсминцы «Хели» (капитан-лейтенант Честер Кэррол) и «Уилсон» (капитан-лейтенант Уолтер Прайс). Эти силы находились в тактическом подчинении у командира «Винсенеса» капитан I ранга Рифкола, прозванного «Неустрашимый Фреди».

Радиолокационное наблюдение осуществляли два эсминца: «Блю» (капитан 3 ранга Гарольд Уильям и «Ральф Талбот»). Они сторожили оба подхода к проливу.

Восточные силы, которыми командовал контр-адмирал Норман Скотт, державший флаг на легком крейсере «Сан-Жуан», включили в себя один австралийский легкий крейсер «Хобарт» (капитан 1 ранга Генри Поверс КФА), а также эсминцы охранения «Монсен» (капитан 2 ранга Роланд Смут) и «Бученан» (капитан 3 ранга Ральф Уилсон).

В связи с уходом авианосцев Флетчера адмирал Тэрнер намеревался продолжать разгрузку транспорта всю ночь. К сожалению, в темноте тропической ночи это осуществить не удалось.

К этому времени адмирал Тэрнер наконец получил донесение с австралийского разведывательного самолета «Хадсон», переданное с огромным опозданием из штаба генерала Макартура в Брисбейне. В нем говорилось:

«Три крейсера и три эсминца противника, два авиатендера или монитора, курс 120 градусов, скорость 15 узлов».

Шесть часов понадобилось для того, чтобы эта радиограмма дошла до адресата. Адмирал Тэрнер стал быстро принимать необходимые меры.

Крейсера «Австралия» и «Канбера» отошли к проливу. Капитан 1 ранга Говард Бод повел свой тяжелый крейсер «Чикаго» и эсминцы на соединение с патрульными силами Северного и Восточного подходов.

Было 22:30. Стояла страшная духота – предвестница дождевых шквалов.

На всех кораблях поддерживалась «Готовность №2, чтобы дать экипажам хоть какой-то отдых.

Адмирал Тэрнер вызвал к себе адмирала Кратчли и генерала Вандергрифта, чтобы обсудить с ними создавшуюся обстановку. Интересно, что Тэрнер при этом только упомянул о возможности атаки с моря. Все были озабочены возможностью возобновления с утра воздушных налетов противника, что усугубилось уходом авианосцев.

На всех боевых кораблях американского соединения жизнь шла своим чередом.

На крейсере «Винсенес» капеллан (в чине капитана 3 ранга) Джордж Швайхард выросший в штате Айова и начавший службу во флоте еще на старом линкоре «Вайоминг», зашел в кают-компанию и присоединился к нескольким офицерам, сидевшим за поздним ужином.

Офицеры обсуждали слух о том, что какое-то японское соединение надводных кораблей двигается на юг по проливу «Щель». Единодушное мнение заключалось в том, что японцы, если это действительно так, сами лезут в смертельный капкан.

Разговоры постепенно стихли, и капеллан Швайхард вместе с корабельным врачом капитаном 3 ранга Джеймсом Блэквудом вышла на верхнюю палубу подышать свежим воздухом.

С палубы хорошо были видны вспышки выстрелов и пожары на берегу, где морская пехота продолжала расширять захваченный плацдарм.

Было 23:30. Над островом Саво зарождался шквал. Влажный занавес стал постепенно обволакивать корабли и сморил крепким сном свободных от вахты моряков. Некоторые спали, примостившись у своих орудий, другие – просто неуклюже скорчившись на верхней палубе.

На эсминце радиолокационного дозора «Ральф Талбот», находившегося к западу от острова Саво, оператор, дежуривший у радара, внезапно доложил на мостик, что видит самолет, летящий над проливом. Обнаруженный самолет принадлежал к типу самолетов, что базировались на японских крейсерах. На все корабли поступило предупреждение: «Внимание – самолет над островом Саво, курс восточный!».

Глава 6

Капитан 1 ранга Фрэнк Гаттинг прохаживался по затемненному мостику австралийского тяжелого крейсера «Канбера». Вместе с командиром на мостике находился старший минер крейсера (командир минно-торпедной боевой части) Планкет-Кол, старший артиллерист капитан 3 ранга Холл и штурман капитан-лейтенант Мэсли.

Австралийский тяжелый крейсер шел головным в колонне Южных сил.

В 23:45 на вахту заступила очередная смена. Всех предупредили о возможном появлении надводных кораблей противника. Заступившая вахта выглядела измученной и не выспавшейся.

На расстоянии 600 метров от «Канберы» вторым в с; рою шел американский тяжелый крейсер «Чикаго». Его командир капитан 1 ранга Бод находился на мостике.

После того, как адмирал Кратчли ушел на крейсере «Австралия» на совещание с адмиралом Тэрнером, Бод автоматически стал офицером, осуществляющим тактическое командование отрядом (ОТК) и был обязан на «Чикаго» возглавить колонну кораблей а не идти в след за «Канберой». Но Бод не придал этому большого значения, поскольку адмирал Кратчли должен был скоро возвратиться.

«Ничего стоящего упоминания», – записали в вахтенном журнале тяжелого крейсера «Канбе-ра» в начале полуночной вахты.

Командир «Канберы» – добродушный круглолицый капитан 1 ранга Гаттинг был моряком с мальчишеских лет. Через год или около того он ожидал производство в контр-адмиралы.

«Канбера» – тяжелый крейсер водоизмещением 9800 тонн, вступивший в строй в 1928 году был первым крупным артиллерийским кораблем, которым довелось командовать Гаттингу. Гаттинг любил этот высокобортный, трехтрубный и уже безнадежно устаревший корабль, обладающий тем не менее прекрасными мореходными качествами и превосходной управляемостью.

Сорокалетний Гаттинг считался одним из самых многообещающих офицеров австралийского военно-морского флота. До «Канберы» он командовал вооруженным транспортом «Канибла», переоборудованного из обычного торгового судна. Но в твердых руках Гаттинга «Канибла» стала настоящим линкором.

Неся на «Канбере» патрульную службу, Гаттинг оказался втянутым в два международных инцидента, вызвавших дипломатические скандалы.

Первый был связан с переправкой «лиц немецкой национальности» с японского парохода «Асама-Мару» (Япония тогда еще оставалась нейтральной). Второй относился к досмотру русского судна «В.Маяковский», капитана которого Гаттинг заподозрил в перевозке контрабанды, что привело к очень неприятным последствиям.

После этого Гаттингу пришлось некоторое время подышать пылью штабных кабинетов, но все в итоге кончилось для него благополучно. Ё конце концов он только выполнял свой служебный долг, возможно более энергично, чем другие. Три года спустя Гаттинг был назначен командиром «Канберы», несущим конвойную службу в районе Мальдивских островов.

Около полуночи капитан 1 ранга Гаттинг сказал капитан-лейтенанту Мэсли: «Я спущусь в свою каюту и немного подремлю» и удалился в свою походную каюту,

находившуюся позади ходовой рубки. Последние слова, услышанные командиром «Канберы», прежде чем его разбудили сигналы боевой тревоги, была команда Мэсли:

«Руль лево 15». Спокойная приятная команда… После ухода командира штурман записал в вахтенном журнале:

«Слышны звуки самолета в направлении 2300 (23:00 – одиннадцать часов) на неравных интервалах. Тип 271 РДФ – японский бортовой гидроплан».

Наблюдательные посты ПВО, вынесенные гораздо выше ходового мостика, первыми почувствовали перемену погоды. Воздух уже не был прозрачным и успокаивающим. Низкие грозовые облака закрыли острова Саво и Тулаги.

Первые крупные капли дождя упали на стекло иллюминатора ходовой рубки. Впрочем, это ничего не значило, поскольку погода менялась чуть ли не каждые 10 минут.

За кормой успокаивающе чернел силуэт «Чикаго». До этого его командир пятидесятитрехлетний Говард Бод командовал линкором «Оклахома», который перевернулся в Перл-Харборе от попадания японских торпед. Бод тогда был на берегу и это видимо, спасло ему жизнь. Ему суждено будет уцелеть и сегодня, но ядовитое жало адмирала Микава достанет его через год, когда капитан 1 ранга Бод покончит с собой в Бильбоа (Зона Панамского канала).

Бод, после отъезда адмирала Кратчли, фактически командовал отрядом, но не только никак это не проявлял, но также спустился в каюту, чтобы «слегка вздремнуть».

Тяжелый крейсер «Чикаго» – второй корабль в американском флоте, носившим это название – находился в строю с 1931 года. В момент нападения японцев на Перл-Харбор «Чикаго», к счастью, находился в составе 12-го оперативного соединения особого назначения. Получив известие о нападении, соединение немедленно начало поиск японских авианосцев на юго-востоке в треугольнике Перл-Харбор – Пальмира – Джонстон, пытаясь перехватить противника.

Никого обнаружить им, конечно, не удалось. Позднее «Чикаго» некоторое время плавал под трехзвездным флагом адмирала Лири, а затем – под флагом вице-адмирала Брауна.

Крейсер участвовал в сражении в Коралловом море, находясь в охранении авианосца «Йорктаун». Ему тогда удалось отбиться от атаки одиннадцати японских бомбардировщиков и сбить при этом три самолета. На следующий день зенитчики «Чикаго» сбили 5 из двенадцати атаковавших его торпедоносцев.

Был час ночи.

Японские крейсера уже появились к югу от острова Саво, – восемь смертоносных торпедно-ар-тиллерийских кораблей, извивающихся как змея в строю одной кильватерной колонны.

Эсминец «Блю», который прощупывал радаром все направления кроме единственно нужного – по корме – шел курсом на юго-запад, не предчувствуя трагедии, в которой ему суждено было стать звездой.

На всех японских кораблях стволы орудий были направлены на «Блю» в готовности немедленно уничтожить эсминец, как только на нем появятся какие-либо признаки тревоги.

Так и не обнаруженная эскадра Микавы со скоростью 26 узлов вышла уже к северу от острова Саво. Где-то впереди по курсу, по данным адмирала Микавы, должны были находиться три тяжелых крейсера противника.

«Курс 150 градусов!» – приказал Микава. Эсминец «Блю» скрылся за кормой, а впереди, в кромешной тьме, должны были находиться корабли Южных сил: тяжелые крейсера «Канбера» и «Чикаго» с двумя эсминцами охранения. На одном из этих эсминцев, «Багли», в этот момент записали в вахтенном журнале:

«Море спокойное, слабый восточный ветер, плотная облачность с периодическими дождевыми шквалами, луны не видно. Артиллерийская вахта на своих местах».

Эсминец «Багли» был одним из тех кораблей, которые первыми открыли огонь по японским самолетам во время нападения на Перл-Харбор. Корабль находился тогда у 22 причала в ожидании планового ремонта. Огнем своих орудий эсминец пытался прикрыть беспомощную «Оклахому». Затем эсминцу удалось дать ход и корабль маневрировал в гавани, подбирая моряков, оказавшихся в воде.

Примерно такая же боевая биография была и у эсминца «Паттерсон». Его зенитки сбили над Перл-Харбором один японский самолет. Позднее корабль участвовал в рейде на Рабаул, когда лейтенант О"Хара с «Лексингтона» сбил в одном полете пять самолетов противника…

В 01:30 японские корабли легли на курс 95 градусов. По межкорабельной связи Микава срывающим голосом дал команду:

«Всем кораблям! Атака!»

Японские корабли выпустили торпеды в направлении смутных силуэтов американских крейсеров.

Первым обнаружил японские корабли эсминец «Паттерсон». По межкорабельной связи прозвучал сигнал тревоги:

«Внимание! Внимание! Неизвестные корабли входят в пролив!»

Но было уже поздно. В этот момент с японских гидросамолетов были выпущены осветительные ракеты. Яркий свет осветил американские корабли.

В 01:37 «Чокай» и два других крейсера произвели первый залп.

Находившийся в «вороньем гнезде» «Канбе-ры» сигнальщик Макинтош заметил след идущей к кораблю торпеды и успел крикнуть:

«Торпеды с правого и левого бортов!»

В следующее мгновение сигнальщик был ослеплен ярким пламенем, вырвавшимся из носовых орудий вражеского корабля. Он закричал:

«Артогонь справа по носу!»

На «Канбере» зазвучал сигнал боевой тревоги. Он еще звучал, когда торпеды попали в крейсер. Капитан 1 ранга Гаттинг вбежал на мостик, когда две торпеды попали в правый борт «Канберы», а первые японские снаряды стали крушить борта и надстройки австралийского крейсера.

Старший артиллерист «Канберы» капитан 3 ранга Холл пытался открыть огонь орудиями главного калибра. Делать это пришлось уже под взрывами японских снарядов. Снаряды кромсали огромные надстройки высокобортного корабля, взрываясь во внутренних помещениях, производя страшные разрушения, калеча и убивая людей.

В нескольких местах вспыхнули пожары, и огонь быстро распространился по всему крейсеру. В орудийной башне кто-то кричал: «Приборы наводки обесточены!» Другой голос прокричал по боевой трансляции: «Пожар в генераторном отсеке! Динамо-машины разбиты!»

«Канбера» с креном вышла из строя, описала циркуляцию и замерла, грузно

раскачиваясь на волне.

Очередной снаряд с невероятным грохотом разорвался в боевой рубке крейсера, и капитан 1 ранга Гаттинг упал смертельно раненым (он скончался на следующий день). Рядом с ним лежали убитые наповал штурман и артиллерист, а также пять матросов – погибшие или умиравшие.

Тяжелый запах нитроглицеринового пороха висел в воздухе, смешиваясь с угарным запахом густого черного дыма от разгорающихся пожаров.

Старпом «Канберы» капитан 3 ранга Уэлш пробрался в боевую рубку с запасного командного пункта. С ним была спасательная партия, которая начала тушить пожар и убирать убитых. В боевую рубку прибежал корабельный врач Даунвард. Он увидел капитана 1 ранга Гаттинга, скорчившегося в кресле, залитого кровью, но еще живого. Командира крейсера поддерживал рулевой-старшина. Гаттинг взглянул на своего старпома и прохрипел:

«Сражайся, пока корабль не пойдет ко дну, Джим!»

Глаза Гаттинга закрылись и он начал медленно и неловко сползать с кресла на палубу.

Старший инженер-механик «Канберы» капитан 2 ранга Макмагон продрался через огонь, дым и искореженный горячий металл в рулевую рубку. Он увидел командира, поддерживаемого старшиной рулевых Доусоном.

«Сэр, – доложил старший механик, – машинное отделение в тяжелейшем состоянии. Думаю, что мы там долго не продержимся».

«Делай, что можешь, Мак», – с трудом ответил командир, находившийся уже в полубезсознательном состоянии, но все еще пытавшийся сопротивляться попыткам Доусона и врача положить его на палубу.

Одна из попавших в крейсер торпед вырвала солидный кусок подводной части корабельного корпуса. Капитан 2 ранга Макмагон спустился с мостика чтобы убедиться в том, есть ли хоть какой-нибудь шанс удержать «Канберу» на плаву и снять с нее оставшихся в живых.

Обстрел неожиданно прекратился, смолкли ужасающие звуки взрывающихся тяжелых снарядов, оставив лишь звон в ушах. Противник перенес огонь на другие корабли.

На палубе «Канберы» ярко пылали два бортовых гидросамолета. Два орудия левого борта были разбиты, а по всей палубе были разбросаны изуродованные тела. Оставшиеся в живых офицеры и матросы лихорадочно и бессистемно пытались бороться с пожарами и предотвратить взрыв боезапаса собственных орудий. Снаряды четырехдюймовой артиллерии, до которых удалось добраться, один за другим выбрасывались за борт.

Некоторые вытаскивали раненых из огня, пытаясь оказать им первую помощь. И все же огонь Добрался до погребов с боеприпасами для зенитных автоматов. Начали взрываться пулеметные ленты, добавившие к всеобщей какофонии барабанный треск смерти.

На ходовом мостике умирал капитан 1 ранга Гаттинг. Он передал командование своему старпому Уэлшу, но упрямо сопротивлялся попыткам врачей уложить его на палубу. Небольшая группа людей в молчании склонилась над умирающим. Глаза Гаттинга закрылись, голова упала на грудь, подбородок уперся в воротник белого кителя, залитого кровью. Все молчали. Только вахтенный офицер сдавленным голосом и жестами давал указания раненому рулевому.

Глава 7

Крейсер «Канбера» стал первым из кораблей южных сил, на который обрушилась артиллерийско-торпедная мощь эскадры адмирала Микавы.

Когда старший офицер капитан 3 ранга Уэлш вступил в командование агонизирующим кораблем, тот уже имел крен в 10 градусов на правый борт. Однако, Уэлш, обладавший упрямым характером, еще не был готов дать приказ экипажу покинуть крейсер.

Огонь бушевал в помещении Центрального поста управления машинами, а также на запасном командном пункте в кормовой части корабля. Горели самолетные катапульты, а равно и все, что могло гореть на верхней палубе. Расчеты четырехдюймовых орудий и торпедных аппаратов были либо убиты, либо тяжело ранены. В межпалубных помещениях повсюду бушевало пламя, распространяя густой удушливый дым.

Капитан 2 ранга Макмагон после разговора с умирающим командиром спустился в Центральный пост управления машинами. Густой дым валил из котельного отделения «А», в то время как котельное отделение «Б» представляло из себя месиво из трупов погибших, обломков арматуры и разбитых механизмов.

Макмагон, опасаясь, что могут взорваться погреба с боеприпасами, сообщил об этом капитану 3 ранга Уэлшу. Тот немедленно приказал затопить погреба.

К этому времени крен «Канберы» достиг 15 градусов, и никто не мог сказать, сколько еще корабль продержится на воде. Уэлш считал, что в их распоряжении, возможно, всего несколько минут. Макмагон также понимал, что корабль обречен. Информация стекалась к нему в Центральный пост и передавалась на мостик по переговорной трубе. Группы борьбы за живучесть докладывали одну плохую новость за другой:

– Тяжелый снаряд попал в барбет орудия «А», полностью выведя его из строя.

– Попадание тяжелого снаряда в помещение команды торпедистов, есть убитые.

– Два попадания в подпалубное отделение.

– Один снаряд разрушил камбуз машинной команды.

– Один снаряд попал в штабное помещение и еще один – в носовую часть ходового мостика с левого борта, убив большую часть находившихся там людей.

– Торпеда попала в правый борт в районе 127-го шпангоута между двумя котельными отделениями.

– Один снаряд разрушил кают-компанию старшин и смежное вентиляторное отделение.

Из одного этого перечня старпому стало ясно, что корабль вряд ли переживет эту ночь. Он дал приказ слить топливо из цистерн и выстрелить оставшиеся торпеды. Все погреба боеприпасов были затоплены, раненые собраны на верхней палубе. Оба катера и все уцелевшие шлюпки приготовлены к спуску. На катера грузили офицеров и матросов с тяжелыми ранениями.

Из уже переполненной носовой перевязочной начали эвакуацию людей, в первую очередь – неспособных передвигаться самостоятельно.

Одним из них был семнадцатилетний кочегар Рэй Бойс. Шрапнель вырвала у него половину грудной клетки. Доктор Даунвард, вернувшись с мостика, перебинтовал ему грудь, подложив целлофановую прокладку.

Для всех медиков положение молодого кочегара представлялось безнадежным, но Бойс находился в сознании, иногда даже улыбался.

Во время внезапной атаки Бойс мирно спал, устроившись на верхней палубе под мостиком. При первом же сигнале тревоги он побежал за своим спасательным жилетом. Он числился больным при корабельном лазарете, а его спасательный жилет находился в кубрике. Когда Бойс спускался вниз по трапу, его настиг осколок восьмидюймового снаряда с японского крейсера «Чокай».

Другой кочегар, девятнадцатилетний Джордж Ятис, был направлен с каким-то поручением к доктору Даунварду, но в этот момент раздался грохот взрыва снаряда. После взрыва оглушенный Ятис поднялся на ноги и с удивлением увидел на палубе чью-то оторванную руку. Он закричал:

«Смотрите! Чья-то оторванная рука!»

Джон Каугли – один из корабельных коков, сбитый с ног тем же взрывом, приглядевшись, крикнул Ятису:

«Ради Христа, ложись на палубу и лежи спокойно! Это твоя рука!»

Старшина Джон Чипман, корабельный плотник, бежал на свой боевой пост, когда раздался взрыв торпеды. Силой взрыва старшину сбило с ног, швырнуло в проход и прокатило до первого препятствия, которым оказалась дверь его плотницкой. Придя в себя, Чипман подключился к поиску раненых, помогая санитарам.

Санитары, одетые в белые халаты, с укрепленными на лбу электрическими фонариками, наподобие шахтерских, проверяли все закоулки крейсера, поднимаясь и спускаясь по бесчисленным искореженным трапам, обшаривали коридоры и проходы, наполненные густым ядовитым дымом.

При свете полыхающих пожаров их белые халаты казались багрово-красными. Находя раненых, они оказывали им первую помощь и старались перенести их в более безопасное место…

Электрики налаживали аварийное освещение во всех внутренних помещениях корабля. Механики и машинисты самоотверженно пытались остановить поступление воды в разрушенные взрывом помещения. Скользя по залитым маслом и мазутом металлическим настилам и полам, полуослепленные валившим отовсюду дымом, с трудом удерживаясь на ногах на накренившихся палубах, работая по пояс в черной от мазута воде, они пытались хотя бы приостановить наступление злобно шипящей забортной воды, чтобы выиграть время для снятия с крейсера раненых и уцелевших.

В снарядном погребе башни «Х» слышали сигналы тревоги и почувствовали взрыв торпеды, попавшей в правый борт крейсера. Главный старшина Гарольд Муррей, переживший эту страшную ночь, позднее вспоминал:

«Мы ждали сообщения, что наша «Канбера» вступила в бой. Но никаких приказов не поступало. Только что-то громыхало наверху, началась какая-то странная вибрация корпуса, слышался шум, похожий на глухие взрывы…

Потом мы увидели, что наш полузатопленный крейсер начал крениться. Нам показалось, что машины корабля перестали работать. Мы чувствовали себя как крысы в глухой западне.

До нас доносились глухие удары, мы ощущали содрогания корабля, как бывает, когда в корабль попадают снаряды… после долгого мучительного ожидания мы, наконец, услышали голос старшины Хоппера:

«Эй! Внизу! Все наверх!»

Мы с небывалой скоростью выполнили эту команду. Задраили за собой люк, а затем, по

приказу офицера из группы борьбы за живучесть затопили свой погреб…

Добравшись до верхней палубы, я замер в оцепенении. Кормовой пост управления огнем был объят пламенем, платформа четырехдюймовых орудий была окутана дымом и догорала. Орудия молчали. На палубе было много санитаров, оказывающих помощь раненым. Уцелевшие пытались бороться с пожарами. Надстройки крейсера были разрушены. Наш гидроплан горел.

На темной поверхности моря ярко отражалось пламя нашего горящего крейсера, а высоко над клубами дыма мерцали звезды, впервые появившиеся после ночных дождевых шквалов…»

На мостике капитану 2 ранга Уэлшу стало ясно, что более откладывать неизбежное уже невозможно. Он отдал приказ «Оставить корабль!».

Глава 8

Эсминец «Паттерсон» был первым кораблем из состава южных сил, вступившим в бой с противником. Обнаружив японцев, капитан 3 ранга Уолкер передал сигнальным фонарем флагману:

«Тревога! Тревога! Неизвестные корабли входят в пролив!»

Было 01:43. Японские торпеды, выпущенные пять минут назад, уже были близки к цели. Эсминец, идущий полным ходом слева по носу крейсера «Канбера», немедленно переложил руль влево на борт, чтобы направить все орудия на противника.

С «Паттерсона» выпустили осветительную ракету, и капитан 3 ранга Уолкер дал команду развернуть в сторону японцев торпедные аппараты. Его команда не была услышана из-за грома орудий эсминца, открывших огонь по идущим полным ходом крейсерам адмирала Микавы, ясно видимым в зареве осветительной ракеты.

Японские корабли открыли по «Паттерсону» ответный огонь, накрыв его первым же залпом. Орудие №4 оказалось разбитым, орудие №2 – выведенным из строя. На эсминце начался пожар.

Расстояние до флагманского японского крейсера чуть превышало 2000 метров по курсовому 70 градусов.

Капитан 1 ранга Микео Хаякава, командир крейсера «Чокай», приказал осветить американский эсминец мощным прожектором. «Паттерсон» оказался залитым ослепительным светом. Однако, его комендоры не пришли в замешательство, продолжая доблестно сражаться.

Уже было отмечено несколько попаданий в головной корабль противника. Пожарный расчет боролся с пламенем у разбитого орудия №4. Эсминец продолжал вести огонь по японским крейсерам, пока те не скрылись из вида. «Паттерсон» успел выпустить в этом скоротечном и неравном бою 20 осветительных и 50 фугасных снарядов.

Находившийся справа по носу от горящей «Канберы» эсминец «Багли», по приказу своего командира капитан-лейтенанта Сенклера, резко положил руль влево. Его скорость была 25 узлов. Сенклер намеревался дать по японцам торпедный залп. Но атака противника была столь внезапной, что времени на подготовку торпед к выстрелу не хватило.

Тем не менее за одну минуту – столько времени прошло с момента обнаружения эскадры Микавы – торпедисты «Багли» успели вставить взрыватели в четыре торпеды. Примерная дистанция до цели оценивалась 3000 метров. Минер эсминца лейтенант резерва Джон Гардинер две минуты спустя наблюдал взрывы двух выпущенных ими торпед.

Но это могло означать только «преждевременные взрывы» торпед где-то в середине дистанции до цели…

«Багли» оставался на позиции еще несколько секунд, после чего отвернул на северо-восток и продолжал движение полным ходом. Позднее он принял участие в спасении экипажа крейсера «Астория», когда в бой с японцами вступили Северные силы…

Капитан-лейтенант А.Уайт, старший помощник командира эсминца «Паттерсон», находился на Запасном командном пункте, когда японский снаряд попал в орудие № 4.

После окончания мгновенно организованных работ по тушению пожара, эвакуации раненых и сбрасыванию за борт горящих предметов Уайт оставался на верхней палубе большую часть ночи.

«Паттерсон», сам получивший серьезные повреждения и понесший потери в личном составе, вынужден был принять на борт 400 человек из экипажей потопленных в течение следующих четырех часов кораблей.

Пожар на «Паттерсоне» был нешуточным. Баталер Террил пытался пробиться в горящий кубрик, когда увидел пробегающего матроса, одежда на котором пылала наподобие факела. Террил сбил его с ног и сумел сорвать с него горящее обмундирование.

Помощник старшины артиллерийской группы, дородный унтер-офицер Ральф Уилсон, в вихрях огня и клубов черного дыма собрал оставшихся в живых комендоров орудия №4 и начал вести огонь по противнику из орудия №3.

Среди них был матрос 2-го класса Милликан, изуродованный осколками, попавшими в обе ноги и живот, но, тем не менее, оставшийся в строю. Лишь по окончании боя, когда его случайно толкнули, Милликан упал на палубу в лужу собственной крови.

После прекращения огня «Паттерсон», имея 14 раненых на борту стал отходить от места боя, но потом вернулся и начал подбирать из воды оставшихся в живых моряков крейсера «Канбера».

Тем временем адмирал Микава предвкушал дальнейшие встречи с захваченным врасплох противником. На флагманском мостике крейсера «Чокай» офицеры его штаба отмечали на карте места гибели первых жертв внезапного нападения.

По оценке штабных, один крейсер противника был потоплен, а два эсминца – серьезно повреждены. Теперь их торпеды «Лонг лэнс» (длинное копье) нацелились на американский крейсер «Чикаго», который шел вслед за «Канберой» в составе Южных сил.

На фоне чернильно-черного неба, с периодически пронизывающими его молниями, вахтенные и впередсмотрящие американского тяжелого крейсера заметили два подозрительных объекта, а чуть позже – еще один. К этому времени капитан 1 ранга Бод, разбуженный вахтенным офицером, бегом примчался на мостик, на ходу прокричав приказ одному из 127 орудий выпустить в сторону подозрительных объектов осветительный снаряд.

Этот приказ не успели выполнить, как сигнальщик с правого крыла мостика обнаружил фосфорирующий след торпед, выпущенных крейсером «Чокай».

«Торпеда с правого борта!» – закричал сигнальщик. В тот же момент «Чикаго» начал маневр уклонения. «Длинное копье» шло с направлением 345 градусов прямо в носовую часть крейсера. На мостике «Чикаго», бессильные что-либо предпринять офицеры, затаив дыхание, наблюдали за следом торпеды.

Наконец, она пересекла курс «Чикаго» примерно в 70 метрах по носу. Но тут же последовала вторая, прошедшая всего в 20 метрах.

Из «вороньего гнезда» на мачте доложили о третьей торпеде в 300 метрах от крейсера, но никто из команды «Чикаго» так и не заметил торпеды, попавшей в корабль.

Когда «Чикаго поворачивал влево на курс, параллельный следу торпеды, а затем возвращался на прежний курс, вспышки артиллерийских залпов с довольно близкого расстояния, очевидно, с двух кораблей по пеленгу 320 градусов, осветили темноту ночи.

В этот момент торпеда попала в носовую часть левого борта крейсера, и мощный столб воды обрушился на корабль, окатив его от носа до второй трубы. Захлебнувшиеся в потоках воды комендоры «Чикаго» сумели дать два четырехорудийных залпа осветительными снарядами в направлении 45 градусов, установленные на расстояние 5000 метров.

С мостика американского крейсера успели заметить сквозь пламя пожара на крейсере «Канбера» темный силуэт какого-то корабля, сверкавшего вспышками выстрелов, когда

первый японский восьмидюймовый снаряд перебил правую опору фок-мачты «Чикаго», засыпав осколками палубу, убивая и калеча американских моряков.

Последствия взрыва торпеды были ничтожно малы по сравнению с разрушениями, нанесенными снарядом. Носовая надстройки была разрушена, фок-мачта согнулась, оборвав радиоантенны, управление огнем восьмидюймовых орудии главного калибра оказалось выведенным из строя.

Значительные повреждения получили и подпалубные помещения носовой части крейсера. Офицер, руководивший борьбой за живучесть, позвонил на мостик и доложил командиру:

«Все проклятое пространство в носовой части на высоте, начиная с трех футов выше ватерлинии до водонепроницаемой переборки №4, взорвано и искорежено. Обломки и куски железа перекручены и разбросаны по левому борту. Здесь внизу сплошная свалка, командир!»

Матрос 1 класса Говард Маршал Хэтч находился на верхней смотровой площадке сигнального мостика. Осколки разорвавшегося снаряда вырвали половину его лица и сняли скальп. Он скончался прямо на своем боевом посту.

Главный боцман Стив Бэлинт, находившийся поблизости от Хэтча, получил смертельное ранение осколком в живот. Он упал и повис на стволе зенитного автомата. 24 комендора носовой восьмидюймовой башни получили осколочные ранения.

Старший помощник командира капитан 2 ранга Сесил Адель, закрывая ладонью кровоточащую рану на шее, нашел в себе силы доползти в кормовую часть корабля, где находился запасной пункт первой помощи. Дежуривший на посту корабельной стоматолог капитан-лейтенант Бенджамен Остертинг, не прибегая к анастезии, зашил рану.

Внизу, в операционной крейсера, подготавливали молодого матроса Артура Рейда к ампутации левой ноги.

В этот момент находившийся впереди корабль – похоже, что это был эсминец «Паттерсон» – осветил прожектором две цели – один из эсминцев Микавы и его флагманский корабль. Ра^ вернув орудия на 180 градусов, «Чикаго» открыл огонь с расстояния 7000 метров.

Было отмечено два накрытия корабля противника. Но перейти на поражение не удалось из-за нехватки осветительных снарядов. Цель была потеряна в темноте.

А японский снаряд вновь попал в «Чикаго» уничтожив 127 мм орудие №1. Тяжелое положение было и в районе катапульт крейсера. Гидросамолет №4 был охвачен пламенем. Крупный осколок снаряда попал в баллон, наполненный углекислым газом под высоким давлением. Взорвавшийся баллон разметал по палубе фюзеляж самолета.

Прежде чем удалось справиться с огнем, самолет наполовину выгорел. Все самолеты «Чикаго», включая и взятый временно с крейсера «Портленд», получили серьезные повреждения.

Накрытые взрывом у орудия ползли по палубе к пункту первой помощи. Снаряд противника ударил между двумя 127 мм орудиями, засыпав все пространство вокруг осколками.

В 01:50 капитан 1 ранга Бод приказал включить прожектора. Выяснилось, что все 44 осветительных снаряда, имевшиеся в погребах крейсера, уже израсходованы. На корабле уцелели лишь прожекторы левого борта. С их помощью были обнаружены два эсминца – один выписывал зигзаги, второй – удалялся полным ходом. Оба эсминца были опознаны как

свои.

Бод приказал выключить прожектора.

«Уменьшил ход до 12 узлов, – записал командир «Чикаго» в боевом журнале, – ухожу в канал Лонго. Огонь прекращен. Никаких кораблей не видно».

Крейсер взял курс на запад, чтобы «зализать раны», в то время как Микава продолжал следовать на северо-восток.

Главный грех, допущенный капитаном 1 ранга Говардом Бодом, – грех, который будет преследовать всю оставшуюся, короткую часть его жизни, заключался в том, что он не предупредил о появлении противника корабли Северных сил. Огненный шторм уже приближался к ним, а они даже не подозревали этого.

Крейсера «Винсенес», «Куинси» и «Астория» с эсминцами «Хелм» и «Уилсон» в передовом охранении в это время приближались к юго-восточному углу патрулируемого ими квадрата.

Двигаясь со скоростью 10 узлов, они наблюдали черную ночную мглу, пока не наткнулись на прожекторные лучи крейсеров адмирала Микавы и в них не вонзились смертоносные клыки снарядов 203 мм артиллерии.

В 01:44 штурвал флагманского японского крейсера положил руль влево, и корабль послушно лег на курс 68 градусов. Но как-то случилось, что этот маневр всем соединением не получился, в результате чего японская кильватерная колонна разделилась на две,

В левую колонну вошли: «Чокай», «Аоба», «Како» и «Кинугаса», в правую (восточную) – «Юбари», «Тенрю» и «Фурутака».

Но адмирал Микава не был сильно этим огорчен, хотя при выполнении маневра чуть не столкнулись два его корабля. Это был не слишком подходящий момент для каких-либо разборок и выговоров подчиненным. Боевой дух на кораблях был как никогда высок.

Японские моряки уже почувствовали вкус американской крови, а теперь готовились сожрать их со всеми костями и потрохами.

Глава 9

Мощный, 36-дюймовый прожектор тяжелого крейсера «Чокай» высветил в ночной темноте американский тяжелый крейсер «Астория» – самый мощный корабль в составе Северных сил.

На мостике «Астории» капитан-лейтенант Джеймс Топпер, 34-летний командир дивизиона борьбы за живучесть, находился в роли наблюдателя за исправным несением матросами ночной вахты. Он всматривался в ночную темноту с чувством не совсем понятного ему беспокойства.

Зловещая тишина воцарилась вскоре после полуночи, когда командир крейсера ушел в свою походную каюту немного вздремнуть.

В течение двух дней патрулирования у Соломоновых островов они несколько раз обнаруживали подводные лодки противника, но сегодня вторая половина полуночной вахты проходило на удивление спокойно.

И вроде бы не было никаких оснований для I тревоги. Вместе с Топпером вахту несли еще десять человек.

«Астория» считалась «счастливым кораблем». Командовал ей капитан 1 ранга Уильям Гринмен, 44-летний добряк с мягким выговором, присущим всем жителям Востертауна в штате Нью-Йорк.

«Патрулируем десятиузловой скоростью. Ничего существенного», – записал в вахтенном журнале старшина рулевых.

Корабль двигался по пятнадцатимильным сторонам четырехугольника. Каждые полтора часа курс менялся вправо на 90 градусов.

«Море спокойное, видимость хорошая. Потолок облачности 500 метров, исключая район вокруг острова Саво, скрытого мглой», – отмечено в вахтенном журнале «Астории».

Тяжелый крейсер водоизмещением 9500 тонн, находился в состоянии полной боевой готовности. Из семи котлов четыре были под парами, остальные – находились на поддержке.

Капитан 1 ранга Гринмен, энтузиаст-атлет, когда-то служил на «Астории» еще младшим офицером, а теперь стал командиром крейсера. Он прошел все ступени службы офицера флота и теперь ожидал производства в контр-адмиралы.

Командиром «Астории» он был назначен три месяца назад, оставив работу в штабе. До этого Гринмен командовал одним из эсминцев Атлантического флота. Ему довелось участвовать в сражениях в Коралловом море и у Мидуэя. Словом, он навидался и натерпелся всего вдоволь.

Крейсера Северных сил шли кильватерной колонной, имея в охранении с правого и левого бортов эсминцы «Уилсон» и «Хелм». Соединение патрулировало район между островом Саво и западной оконечностью острова Флорида.

Капитан-лейтенант Топпер, сменивший капитан-лейтенанта Джона Хэйса, заступил на вахту в 23:45. Пока все шло спокойно, если не считать того, что на полночной вахте всегда хочется спать.

В 01:44, когда Микава громил Южные силы капитана 1 ранга Бода, Топпер заметил вспышки орудийной стрельбы на острове Флорида и сказал, обращаясь к лейтенанту Барки:

«Наверное, морским пехотинцам приходится чертовски трудно в эту ночь».

Так оно и было.

В этот момент произошло что-то странное. На мостике «Астории» услышали два слабых взрыва, и Топпер, очевидно, не слышавший предостерегающего крика командира эсминца через радиомегафон, что им обнаружены неизвестные корабли, входящие в гавань, подумал, что это должно быть взрывы глубинных бомб, сброшенных кем-то в близлежащем районе. В действительности же, это сработали самоликвидаторы на японских торпедах: они взорвались в воде.

Прошло еще несколько минут. Микава уже был готов к следующему раунду…

«Кто-то подошел с левого крыла мостика, докладывая об осветительных снарядах, взорвавшихся слева по носу, – писал позднее капитан-лейтенант Топпер. Я подбежал к левой двери штурманской рубки, дав приказ Барки – вахтенному офицеру на палубе – разбудить командира крейсера и объявить тревогу».

Лейтенант Барки бросился в походную каюту командира, который быстро пробудился от глубокого сна и выскочил на мостик.

Артиллерист «Астории» капитан 3 ранга Уильям Трюдел услышал команду Гринмена: «Осветительный на корму!» и помчался на пост управления зенитной артиллерией. Там он увидел в небе четыре светящиеся точки, больше похожие на самолетные огни, чем на осветительные снаряды. Трюдел приказал всем своим людям занять места по боевому расписанию – для него огни в небе означали действия противника.

В этот момент корабли Микавы открыли огонь, и первые снаряды упали с недолетом, впереди по курсу крейсера.

Еще не смолкли звонки боевой тревоги, как старший артиллерист «Астории» отдал приказ открыть огонь. Было 01:52, когда шесть 203 мм орудий американского крейсера дали первый залп по японскому крейсеру «Чокай».

Капитан-лейтенант Топпер, стоявший на левом крыле ходового мостика, кораблей противника не видел. Он повернулся, чтобы пройти в боевую рубку, когда прогремел второй залп.

На входе в боевую рубку Топпер столкнулся с командиром корабля, который раздраженным голосом засыпал вахтенного офицера вопросами: «Кто дал сигнал боевой тревоги? Кто отдал приказ открыть огонь?»

Сконфуженный Топпер начал было отвечать, командир перебил его:

«Топпер, мне кажется, мы стреляем по своим кораблям. Успокойтесь, не надо поспешных действий. Прекратить огонь!»

Артиллерия «Астории» замолчала.

Капитан-лейтенант Топпер продолжал сбивчиво оправдываться: он не давал команды открыть огонь. Ему тоже стало казаться, что они стреляют по своим.

В этот момент с главного командно-дальномерного поста доложили, что «Астория» стреляла по опознанным японским крейсерам. Затем прибежал сигнальщик с левого крыла мостика и доложил, что прожектор осветил с левого борта появившиеся из-за горизонта корабли, «которые ведут по нашим огонь».

Капитан 1 ранга Гринмен и капитан-лейтенант Топпер продолжали рассуждать на тему, что бы все это значило и чем это может кончиться для «Астории», когда в боевой рубке раздался телефонный звонок. Вахтенный матрос, выслушав сообщение, доложил командиру корабля:

«Это капитан 3 ранга Трюдел, сэр. Он сказал – ради Бога, дайте команду открыть огонь!»

По громкоговорящей связи в этот момент доложили, что «Винсенес» увеличил скорость до 15 узлов – и больше ничего! Командир «Астории» озадаченно покачал головой.

Затем с сигнального мостика поступил доклад, что неизвестные корабли ведут по американскому отряду огонь со стороны правого борта.

Капитан 1 ранга Гринмен с некоторой задумчивой нерешительностью проговорил:

«Наши это корабли или нет, но нам придется! их остановить…»

А затем скомандовал: «Открыть огонь!»

Затем Гринмен приказал положить руль влево и увеличить ход крейсера до полного. Идущему в кильватере крейсеру «Куинси» был дан сигнал следить за маневрами «Астории» и не допускать возможного столкновения.

До этого времени японцы успели дать четыре залпа. Все снаряды упали с недолетом, но дискуссия на мостике «Астории» дала им возможность и время откорректировать стрельбу, внеся необходимые поправки, и теперь снаряды полетели точно в цель. Пятый залп противника попал прямо в середину «Астории», разрушив Запасной командный пункт, где в это время находился лишь рулевой 2 класса Джон Уолкер.

Старший помощник командира «Астории» капитан 2 ранга Фрэнк Шоуп, проснувшись от звонков боевой тревоги, набросил форму поверх пижамы и поспешил на Запасной командный пункт.

Выйдя на правый борт, Шоуп решил посмотреть, что происходит. Не увидев ничего, старпом поднялся на пулеметную площадку левого борта, «чтобы ничего не закрывало ему обзор». Он оперся на леерное ограждение и наклонился вперед. В это мгновение японский снаряд разорвался поблизости, засыпав осколками все пространство вокруг Запасного КДП.

Капитан 2 ранга Шоуп успел прикрыть лицо и глаза ладонями. Это, хотя и не спасло от ожогов его лицо и руки, но спасло глаза, ослепив старпома всего на несколько секунд. Снаряд разорвался у ворот самолетного ангара, точно под командным пунктом. Катапульта крейсера была охвачена огнем, который с каждым мгновением разгорался все сильнее.

Была разрушена система энергопитания орудийной башни №3, и «Астория» теперь могла вести огонь лишь из двух носовых башен.

Артиллеристы Микавы видели перед собой прекрасно освещенную огнем пожаров цель на дистанции 6000 метров. К тому же светили мощные прожекторы «Чокай», и японские артиллеристы ясно видели кильватерный строй из трех американских крейсеров и силуэты их эсминцев охранения.

По мере того, как неумолимо сокращалась дистанция, уменьшалось и число японских снарядов, падающих мимо цели.

На ближайшем к японцам тяжелом крейсере «Астория» хорошо были видны пожары в носовой части и в районе самолетных ангаров.

Новые попадания японских снарядов вывели из строя башню №1, перебив почти весь ее экипаж, включая и обслугу погребов.

В Центральном посту управления капитан-лейтенант Троппер оказался на волосок от гибели. Сразу после его прибытия помещение превратилось в раскаленный, наполненный дымом, котел. Позднее Троппер писал:

«Крупные куски раскаленного металла, горящей резины и осколков посыпались на палубу… Снаряд взорвался точно над нами. Матрос 1-го I класса Т.Халлиган, не растерявшись, схватил огнетушитель, заряженный СО, и направил его на горящие обломки».

Несмотря на пожар и разрушения Центральный пост был в состоянии выполнять свои

функции еще какое-то время.

На мостике капитан 1 ранга Гринмен заметил, что его корабль приближается к линии огня крейсера «Куинси» (все три американских корабля уже горели от попадания японских снарядов) и немедленно дал приказ переложить руль вправо, чтобы не мешать стрельбе других кораблей.

Изменив курс, «Астория» перенесла огонь орудий главного калибра на правый борт. В этот момент японский снаряд взорвался на мостике перед дверью штурманской рубки.

Осколки прошили рубку, убив среди многих других рулевого 1 класса Уильямса и тяжело ранив младшего боцмана Янги. Боцман поднялся на ноги, оттащил тело убитого рулевого в сторону и сам встал к штурвалу.

Капитан 1 ранга Гринмен остался невредим.

Внезапно слева по носу появился «Куинси», пересекающий курс «Астории» на большой скорости. Корабль был охвачен пламенем от носа до кормы.

Капитан 1 ранга Гринмен выскочил на крыло мостика и оттуда заорал:

«Лево на борт!»

Как только кораблям удалось разминуться на опасно близком расстоянии, руль был снова по ложен прямо. Но именно в этот момент вышло из строя освещение катушки компаса, и стоявший на штурвале боцман Янг не мог сказать каким курсом идет крейсер. И вообще – исправен компас или нет?

Гринмен вызвал пост управления связью и приказал направить прожектор чуть дальше траверза правого борта. Неожиданно боцман Янг стал валиться на палубу в лужу собственной крови. К штурвалу встал рулевой 2 класса Радки.

«Мне кажется, мы на курсе 185 градусов, Радки, – прошептал Янг, – так держать»…

Не успели как следует разобраться с курсом, как в штурманской рубке разорвался восьмидюймовый снаряд противника, убив почти всех, находившихся там. В рубке начался сильный пожар, удушливый черный дым стал проникать во все помещения надстройки.

Корабельный писарь, матрос 2 класса Путмен, стоял у телефона на открытом мостике, когда это произошло. Со своего поста Путмен хорошо видел крейсер «Куинси», пересекающий курс «Астории».

Надстройки корабля были объяты пламенем, очаги огня разбросаны по всей верхней палубе.

Рядом с Путменом стоял главстаршина Фернединг – старший сигнального поста.

«Чертов дым! – выругался Фернединг, – ничего не видно».

Прежде чем Путмен нашел, что ответить на эти слова главстаршины, тот, пораженный осколками, стал сползать на палубу. Фернединг пытался подняться, встал на колени, но снова упал на палубу. Путмен оттащил его к ограждению мостика и спросил, что еще он может для него сделать?

«Дай сигарету», – прохрипел Фернединг. Путмен выполнил его просьбу и вернулся обратно на свой пост.

К этом у времени оба крейсера благополучно разошлись.

На сигнальный мостик поднялся лейтенант Барки. С высоты мостика офицер видел, что вся батарейная палуба «Астории» была охвачена огнем от прямых попаданий японских снарядов.

Поданные к 127 мм орудиям заряды начали взрываться с оглушительным грохотом. На шлюпочной палубе пылали моторные катера. Серовато-синие языки пламени «танцевали»

по всему кораблю среди трупов моряков.

В машинном отделении «Астории» бушевало адское пламя, старший механик капитан 3 ранга Джон Хэйсб, которого Топпер сменил на вахте, сейчас пробегал из одного помещения машинного отделения в другое, где среди трупов убитых лежало много раненых, не способных передвигаться самостоятельно. Хэйс пытался организовать их эвакуацию.

Когда началось сражение, Хэйс крепко спал в своей каюте. Он не услышал сигнала боевой тревоги. Машинист 1 класса Бенгал, ворвавшись в его каюту, буквально растолкал спящего.

«Мистер Хэйс! – орал ему в ухо Бенгал, – вставайте! Уже падают снаряды!»

Хэйс вскочил с койки и побежал в носовое машинное отделение, где оставался, пока в котлах был пар.

В радиорубке нес вахту лейтенант Джордж Бэйкер. Когда снаряд попал в помещение шифровальщиков, Бэйкер, как только дым от взрыва несколько рассеялся, прополз между окровавленными телами и с помощью старшины Свинсона занялся эвакуацией раненых…

Очередной снаряд, пробив броневую дверь, взорвался на главном КДП, другой – пробив переборку, разворотил радиорубку №1. Большинство находившихся в этих помещениях были убиты, а все оборудование, включая аппаратуру радиосвязи, полностью уничтожено.

Крупный снаряд разорвался в прокладочной, убив и ранив многих из находившихся там людей и наполнив помещение удушливым дымом. Уцелевшие одели противогазы и продолжали работу.

Хотя «Астория» и запоздала с открытием огня, ее комендоры сумели выжать все возможное из двух уцелевших башен главного калибра, послав в японцев 62 восьмидюймовых (203 мм) снаряда.

127 мм батарея правого борта сумела сделать 31 залп, а левого – 28. Даже 20 мм зенитные автоматы приняли участие в бою, сделав 270 выстрелов по противнику.

Капитан 1 ранга Гринмен был одиннадцать раз ранен осколками, но оставался на ногах все время, пока сражение не отодвинулось от пылающей «Астории», и его корабль, полыхая огнем, не начал медленно умирать.

Капитан-лейтенант Уолтер Давидсон взобрался на крышу башни главного калибра №2, чтобы визуально управлять огнем, поскольку радиолокатор был разбит, а проводная связь вышла из строя.

Гринмен окликнул его и приказал вернуться в боевую рубку. Прежде чем подчиниться, Давидсон дал в башни целеуказания и послал последний залп в сверкающие вспышками выстрелов крейсера Микавы. Конечно, это была лишь символическая компенсация за горечь поражения.

Глава 10

Нарушение связи между командным мостиком и Центральным постом управления артогнем отправило крейсер «Куинси», следовавший в кильватер «Астории», в водяную могилу на глубине 500 саженей в проливе Саво.

Одновременно с получением предупреждения с эсминца «Паттерсон» о том, что неизвестные корабли появились в проливе, рассыльный был послан разбудить командира. Примерно в это же время раздался сигнал боевой тревоги. В хаосе первых минут кто-то забыл передать сообщение об обстановке на Центральный пост управления артогнем.

Капитан 1 ранга Самуэль Мур вскочил с койки в своей походной каюте и поспешил на мостик как раз в тот момент, когда осветительные снаряды зажглись в небе над проливом.

На мостике лейтенант Кларк рассматривал в бинокль три силуэта неизвестных кораблей, показавшихся из-за южной оконечности острова Саво. Капитан 3 ранга Эдвард Биллингс, спеша на свой пост, услышал возглас Кларка:

«Это не наши корабли!»

Капитан 1 ранга Мур не был в этом уверен.

Вахту на сигнальном мостике нес лейтенант Джон Эндрю. Увидев, как в небе над проливом зажглись осветительные снаряды, офицер решил, что таким образом американские корабли охраняют десантные транспорты от самолетов противника.

Возможно, подумал он, они пытаются установить место самолета, который в течение последнего часа жужжал где-то поблизости.

Сигнал боевой тревоги смутил и озадачил Эндрю. Не следует ли оповестить посты управления огнем, если это действительно противник?

Эндрю мог только гадать.

Но все колебания кончились, как только вспыхнули прожектора тяжелого японского крейсера «Аоба», и ослепительно белые лучи пронзили темноту пролива. Сразу же начали рваться снаряды.

Капитан 1 ранга Мур все еще сомневался: ему никогда не приходилось видеть подобных силуэтов кораблей – но тут же гаркнул команду:

«Огонь по прожекторам!»

Прожекторные лучи тянулись к «Куинси» с траверза левого борта из «источника», находившегося на расстоянии примерно 8000 метров.

Спустившись Центральный пост управления артогнем, лейтенант Эндрю передал всю имевшуюся у него скудную информацию своему непосредственному начальнику капитан-лейтенанту Хенебергеру, который так же ничего не знал. Возможно, это учения?

Но в этот момент в воздухе уже свистели японские снаряды. Первые залпы противника легли с недолетом. Затем прожекторы уперлись своими лучами в три американских тяжелых крейсера, и первые снаряды стали рваться на их палубах и надстройках.

Но и на «Куинси» не тратили время зря. Старший артиллерист быстро дал необходимые установки, и девятиорудийный залп прогремел из восьмидюймовых башен американского крейсера. Затем – второй.

«Расстояние – 8000 метров, расчетная скорость – 15 узлов», – слышалось из наушников.

На мостике капитан 1 ранга Мур, лишь два месяца назад переведенный командовать крейсером со штабной работы, мрачно переживал возможные последствия своих, как ему

казалось, ошибочных действий. И он решил, несмотря на протест своих офицеров, что необходимо включить опознавательные огни.

В это время на крейсере «Винсенсен» изменили курс, и рулевой на «Куинси», по приказу вахтенного офицера, положил руль на борт, чтобы избежать столкновения с головным кораблем.

При выполнении этого маневра японский снаряд попал в район катапульты «Куинси», превратив ее в яркий костер.

Теперь японцам не нужны были большие прожекторы, а у капитана 1 ранга Мура рассеялись все сомнения относительно принадлежности неизвестных кораблей. Попадающие на «Куинси» снаряды были красноречивее любых визитных карточек.

«Куинси» оказался под перекрестным огнем с японских крейсеров «Чокай» и «Фурутака».

«В Центральный пост сообщили с мостика, что корабль поворачивает вправо… Пеленг быстро менялся влево, – писал позднее капитан-лейтенант Хенебергер, – управление орудиями главного калибра было переведено на пост №2, так как пост №1 вышел из строя. Но затем сообщили, что попаданием снаряда башня №3 разрушена и выведена из строя…»

В группе из трех кораблей противника один все время метался, как-будто собирался таранить нас, – вспоминал позднее капитан 1 ранга Тоши-казу Охмая, находившийся на мостике японского флагманского крейсера «Чокай», – весь его корпус от миделя до кормы, был объят пламенем, а носовые орудия продолжали вести по нашим кораблям огонь. Это был храбрый корабль с доблестной командой.

«Куинси» буквально засыпался японскими снарядами всех калибров, которые изрешетили его корпус и надстройки с носа до кормы. Его моряки отчаянно пытались погасить многочисленные пожары, но к этому времени давление в пожарных магистралях упало до нуля. Бороться с огнем стало нечем.

На палубе в разных позах лежали убитые. Офицерские каюты в корме и матросские кубрики в носу горели. Нескончаемые взрывы раскачивали корабль.

Вскоре поступило сообщение о том, что рулевая рубка разбита. Управление крейсером вышло из строя. Капитан 2 ранга Уильям Грей, старший помощник командира, штурман капитан-лейтенант Меткалф и командир дивизиона живучести капитан-лейтенант Раймонд Тути, несколько связистов и рулевой были убиты почти одновременно.

Капитан 1 ранга Мур и два других офицера были смертельно ранены.

Командир крейсера подполз к телефону и прохрипел в него:

«Мы идем ко дну, будь они прокляты!»

Башни №1 и №2 «Куинси» успели выпустить по противнику два залпа.

Затем башня №2 взорвалась от прямого попадания снаряда, пробившего башенную броню.

Взрыв на сигнальном мостике бросил на большую высоту горящие трупы и ящики с сигнальными флагами. Зловоние от горящих человеческих тел распространялось по всему кораблю.

Лейтенант Эндрю, убедившись, что все средства связи вышли из строя, поднялся на мостик, чтобы получить указания от командира корабля.

Когда Эндрю добрался до мостика, он увидел картину, забыть которую он не смог никогда.

«Я увидел там трупы и истекающих кровью раненых. Лишь три-четыре человека еще

держались на ногах, хотя все они тоже были ранены. В рулевой рубке находился один сигнальщик, вставший к штурвалу и пытавшийся сдержать рысканье корабля на курсе».

Эндрю, перешагнув через трупы, подобрался к сигнальщику. Позади рубки бушевал огонь, крейсер заметно кренился на левый борт…

«Опросив его», – вспоминал Эндрю, – я понял, что командир крейсера, лежавший на палубе около штурвала, приказал ему подойти к берегу и выброситься на мель. Поэтому рулевой держал курс на остров Саво, лежащий в четырех милях слева по носу… В этот момент командир попытался встать, но упал на спину. Он скончался, не издав ни крика, ни стона».

Эндрю быстро покинул мостик и возвратился в Центральный пост. Управлять уже было нечем: радиолокаторы были разбиты, питание телефонных линий прекратилось, огонь слизал все, что было возможно.

Пламя уничтожило все боеприпасы башни №3, Часть их взорвалось, часть – разбросало взрывом по палубе, и они горели до сих пор. Немногим комендорам удалось покинуть башню.

В башне №2 спасать было некого – погибли все. В зарядном отделении из-за пожара возникла угроза взрыва, но командир башни успел приказать затопить погреба.

«Куинси» сражался до конца. Один из его восьмидюймовых снарядов попал в оперативную рубку крейсера «Чокай», позади мостика, и вывел из строя его башню №1. Попади снаряд на несколько метров ближе к носу, адмирал Микава вместе с офицерами своего штаба были бы наверняка убиты.

Можно только гадать, что стало бы с японскими кораблями, находившимися ночью в водах противника, лишись они своего адмирала!

Но японцам повезло и на этот раз, чего нельзя сказать об американцах.

Обе 127 мм зенитные батареи «Куинси» напоминали внутреннее помещение бойни. В лужах крови возле орудий в самых нелепых позах лежали изуродованные тела комендоров.

Расчеты орудий №6 и №8 были выкошены осколками до единого человека. Немногим больше повезло комендорам орудий №2 и №4 – нескольким матросам удалось спастись. Остальные сгорели заживо от взрыва сложенного у орудий боезапаса и последовавшего пожара.

Тоже самое произошло у орудий № 1 и №5, где взорвавшийся боезапас уничтожил большую часть расчетов, ослепив остальных.

Японцы, уменьшив дистанцию до 2000 метров, продолжали расстрел американских кораблей, превратив «Куинси» в груду пылающих обломков.

Лишь несколько кораблей во всей мировой военно-морской истории подвергались подобному избиению.

История также знает мало примеров, чтобы такой изуродованный корабль вел ответный огонь. А «Куинси» продолжал сражаться.

Корабельный дантист лейтенант Холл сам, несмотря на тяжелое ранение, ползал вокруг 127 мм орудий, пытаясь помочь другим. Наткнувшись на своего помощника – санитара, истекающего кровью от потери ноги, лейтенант оттащил находящегося в полубессознательном состоянии беднягу к переборке, где схватил культю и прижал к своему животу, пытаясь остановить кровь.

Радиотрансляционный узел крейсера вышел из строя в первые минуты боя. Примерно в тоже время была разбита башня главного калибра №2, а снаряд, разорвавшийся в рубке

спецсвязи, вывел из строя высокочастотный радиолокатор. В рубке возник сильный пожар, и лейтенант Рональд Риз, вынужденный со своими подчиненными покинуть рубку, поднялся палубой выше.

Когда давление в пожарных шлангах упало, группа пожарников, боровшаяся с огнем во 2-й кают-компании, оказалась в западне. Они были в полной темноте, поскольку прекратилась подача электроэнергии, а помещение стал заполнять удушливый дым, идущий откуда-то снизу. С огромным трудом бойцам пожарного дивизиона удалось выбраться на верхнюю палубу через бушующее пламя.

Инженер – капитан-лейтенант Юджим Элмор не мог ничего придумать, как спасти своих подчиненных, если те останутся внизу, чтобы поддерживать пар в котлах «Куинси».

Тем не менее, они должны были оставаться на своих местах, хотя многие уже теряли сознание от отравления удушливыми газами.

Положение было безвыходным.

Элмор сумел передать на ходовой мостик, что крейсер придется остановить в связи с невозможностью больше поддерживать огонь в топках. В этот момент еще два снаряда попали в 1-ю кочегарку. Вышел из строя топливный насос и прекратилась подача мазута на котлы. Котел №2 взорвался. В кочегарках №2, №3 и №4 котлы погасли, давление упало, через разбитые переборки помещения стали затопляться водой.

Но механики и машинисты продолжали оставаться на своих местах. Внезапно раздался взрыв в помещении 4-й котельной. Судя по всему, туда попала торпеда. Во всяком случае, никто не выбрался оттуда живым.

Капитан-лейтенант Хенебергер, старший из оставшихся в живых офицеров, еще находился в помещении Центрального поста управления, когда почувствовал, что палуба стала уходить у него из под ног.

«Куинси» стал быстро оседать носом. Не получая никаких приказов, Хенебергер решил взять инициативу в свои руки. Необходимо было спасти остатки экипажа от бессмысленной гибели.

Все пространство над погибающим кораблем, несмотря на ночную темноту, было окрашено в ярко огненный цвет от пламени, пожирающего крейсер.

Капитан-лейтенант Хенебергер отдал приказ:

«Оставить корабль!»

Все, кго мог, не теряя времени стали быстро спускаться за борт по сетям на сброшенные в воду спасательные плотики.

«Как только был отдан приказ, – писал в своем рапорте Хенебергер, – команда в полном порядке стала оставлять крейсер, как это предусмотрено уставом и наставлениями.

«Куинси» начал погружаться носом, затем повалился на левый борт, со свистом выплевывая пар. Внутри крейсера продолжались взрывы.

Было 2 часа 35 минут ночи…

Глава 11

Тяжелому крейсеру «Винсенес» – головному кораблю Северных сил – не повезло с самого начала ночного сражения. Прошло лишь 18 минут боя, а крейсер уже превратился в пылающую развалину.

Командир крейсера капитан 1 ранга Фредерик Рифкол, прозванный друзьями «Неустрашимый Фреди», доблестно вел бой до конца, хотя у засыпаемого японскими снарядами «Винсенеса» не было ни единого шанса уцелеть.

Фредерик Рифкол, которому уже перевалило за пятьдесят, был осведомлен, что против них выслано «три крейсера, три эсминца и два гидроавиатранспорта», и что атаки противника нужно ожидать еще до рассвета.

Рифкол командовал Северными силами и относился к своим обязанностям очень ревностно и ответственно. На совещании, проведенном на мостике крейсера, еще задолго до начала сражения, Рифкол особо подчеркнул, насколько важно обнаружить противника первым, и даже издал письменный приказ, призывая своих подчиненных к повышенной бдительности.

Проведя на мостике 21 час, капитан 1 ранга Рифкол решил немного отдохнуть и сказал сменявшему его своему старпому капитану 2 ранга Мулену:

«Разбудите меня, если произойдет что-либо необычное».

Было 0 часов 51 минута. После этого «Неустрашимый Фреди» удалился в свою походную каюту.

Вахтенным офицером заступил капитан-лейтенант Кливленд Майлер. Вахтенным артиллеристом – капитан 3 ранга Крейгхилл.

Первые 60 минут полночной вахты прошли спокойно. В 01:20 капитан-лейтенант Майлер приказал изменить курс согласно предварительной прокладке.

«Винсенес» шел головным, «Куинси» – в 600 метрах за ним, «Астория» – в 1200 метрах. Эсминцы «Хелм» и «Уилсон» шли впереди, ведя противолодочное охранение. Соединение шло курсом 315 градусов. Все корабли находились в состоянии боевой готовности №2: две башни главного калибра с полным штатом комендоров, орудия заряжены, зенитные батареи с полным боевым расчетом.

Командир «Винсенеса» прошел все ступени военно-морской карьеры.

Еще будучи младшим лейтенантом, он командовал отрядом морской пехоты на крейсере «Филадельфия». Затем служил на эсминцах, проводя конвои через Северную Атлантику еще в годы Первой мировой войны, когда ему едва минуло 20 лет.

2 августа 1917 года он был награжден Военно-морским Крестом за «боевые действия против подводной лодки противника», как было сказано в представлении.

«Вини Мару», как шутливо называли «Винсенеса» был столь же заслуженным кораблем, как и его командир. Крейсер вошел в строй 31 мая 1936 года. Его постройка обошлась в 22 миллиона долларов. Корабль вошел в состав Атлантического флота США и его первой задачей была защита государственных интересов Америки в зоне Атлантического океана.

Долгое время крейсер базировался на Лиссабон по договоренности с правительством Португалии. В те годы Соединенные Штаты очень нуждались в золоте, и «Винсенес» с погруженным в трюмы драгоценным металлом, купленным во Франции, был удостоен чести

переправить его по назначению.

В первый период Второй мировой войны «Винсенес» охранял конвои в Северной Атлантике, а затем, пройдя Панамским каналом в Тихий океан, принял участие в боях в Коралловом море и у Мидуэя.

Крейсер обладал скоростью 36 узлов, а на его борту находились около тысячи офицеров и матросов.

«Крупный объект слева по носу!» – нарушил ночную тишину крик впередсмотрящего.

Несший сигнальную вахту капитан-лейтенант Крейгхил вскинул бинокль и обшарил пространство в указанном направлении. Но не увидел ничего. Дождевой шквал навис над островом Саво. Крейгхил еще раз взглянул туда и опустил бинокль.

В последующие 23 минуты ничего не произошло.

Сигнальщики на мостике и выносных площадках внимательно всматривались в темноту, но также больше ничего не видели.

В 01:45 Крейгхил снова поднялся на верхний сигнальный пост, чтобы осмотреть горизонт. Внезапно вспышка света, которую можно было принять за орудийный выстрел, на мгновение осветила небосвод. Все сигнальщики направили свои бинокли в эту точку. Но странный свет исчез.

Спустя несколько минут четыре осветительных снаряда взорвались на пространстве левого траверза на расстоянии около 8 миль. Крейгхил передал по телефону на мостик: «Осветительные снаряды по траверзу левого борта!»

Вахтенный офицер капитан-лейтенант Майлер немедленно приказал рассыльному будить командира.

Внезапно все озарилось ярким светом, идущим откуда-то с юго-востока. Вспышка осветила силуэты крейсеров Южных сил капитана 1 ранга Бода. (В этот момент адмирал Микава отдал приказ открыть артиллерийский огонь и выстрелить торпедами по кораблям Южных сил).

Капитан 1 ранга Рифкол появился на мостике, протирая сонные глаза. Старпом 2 ранга Мулен быстро доложил командиру обстановку.

«Боевая тревога!» – приказал Рифкол.

Пока экипаж «Винсенеса», поднятый по тревоге, разбегался по боевым постам, с юго-востока последовал еще один залп осветительными снарядами.

Старший артиллерийский офицер «Винсенеса» капитан 3 ранга Адаме дремал на посту управления зенитным огнем. При первом же залпе осветительными снарядами Адаме проснулся и вскочил на ноги, заметив взрывы над мысом Лунга-Пойнт. Его первой мыслью было, что «какой-то корабль обстреливает береговые укрепления». Но профессиональным взглядом артиллериста Адаме отметил, «это больше похоже на артиллерийскую дуэль кораблей».

Об этом капитан 3 ранга немедленно доложил на мостик, а затем передал в Центральный пост приказ приготовиться открыть огонь главным калибром.

Его помощник капитан-лейтенант Крейгхил покинул сигнальный мостик и спустился в Центральный пост управления, приказав зарядить орудия осветительными снарядами.

Между тем капитан 1 ранга Рифкол и его старпом Мулен, стоя на командном мостике, пытались определить оптимальные действия кораблей Северных сил в создавшейся обстановке. Рифкол почти был уверен, что это японская хитрость, чтобы заставить его

корабли идти к месту боя, покинув охраняемый сектор, а самим тем временем проскочить к беззащитным транспортам.

Он ждал какого-либо сообщения от Бода, но никакого сообщения не последовало. Тогда Рифкол дал сигнал своему отряду увеличить скорость до 15 узлов и решил еще некоторое время не менять курс.

Пока командир «Винсенеса» пытался принять оптимальное решение, гидролокаторы крейсера засекли два отдаленных подводных взрыва, но Риф-кол не придал этому сообщению никакого значения!

Между тем, старпом Мулен отправился на запасной командный пункт в кормовой части крейсера, и Рифкол остался на мостике один со своими сомнениями.

Сомнения командира продолжались недолго.

Ровно через минуту по пеленгу 205 градусов стали ясно видны три прожектора; их лучи ярко осветили крейсера Северных сил. Рифкол немедленно приказал открыть огонь по этим прожекторам.

Находившийся на посту управления артогнем капитан 3 ранга Адамс нацелил орудия главного калибра на свет ближайшего прожектора и ожидал приказа открыть огонь. Но противник открыл огонь первым.

Первый залп с японского крейсера «Како» упал с недолетом 500 метров.

«Винсенес» немедленно открыл ответный огонь орудиями главного калибра. Измеренное радиолокатором расстояние составляло 8200 метров. Второй залп американского крейсера, совпавший по времени со вторым залпом японцев, накрыл тяжелый крейсер «Кунигаса», где был убит один человек.

Но японские снаряды уже сыпались на «Винсенес».

Первый же японский снаряд угодил в хранилище авиационного бензина для бортовых гидросамолетов «Винсенеса», вызвав взрыв и сильнейший пожар.

Находившиеся в ангарах самолеты взорвались с ужасающим грохотом, а яркое пламя пожара осветило «Винсенес» так, что японцы больше не нуждались ни в прожекторах, ни в осветительных снарядах.

Капитан 2 ранга Мулен, направлявшийся на Запасной пункт, в этот момент находился на середине трапа, ведущего на верхнюю палубу. Когда старпом достиг верхней палубы, еще один японский 203 мм снаряд попал в ангар, пробил его насквозь и разорвался за бортом крейсера.

Мулен быстро организовал группу по борьбе с пожаром, который довольно быстро удалось взять под контроль. Но в это время еще один японский снаряд разорвался вблизи, разрушив распределительный щит пожарной магистрали.

Давление в пожарных шлангах упало, и «Винсенес» был обречен погибнуть во все пожирающем пламени.

Между тем капитан 1 ранга Рифкол приказал увеличить скорость до 20 узлов и повернуть корабль влево, чтобы сблизиться с противником, и в тоже время иметь возможность повернуть на обратный курс, если при этом крейсер подойдет к району, опасному для плавания.

Однако попытка увеличить скорость оказалась безуспешной, поскольку связи с машиной уже не было – переговорные трубы и телефонные линии были разрушены осколками японских снарядов.

Одним из этих осколков был убит офицер связи, находившийся в штурманской рубке.

Тем не менее поворот влево Рифколу удалось совершить. За ним последовали «Астория» и «Куинси». Теперь град японских снарядов начал сыпаться и на другой борт «Винсенеса».

Кормовой противопожарный пост был полностью разрушен. Находившиеся впереди и ниже мостика платформы со 127 мм орудиями были разбиты вдребезги. Там начался сильный пожар. Раненые лежали вперемежку с убитыми, их стоны не были слышны из-за оглушительных орудийных выстрелов. Хотя идущие к орудиям силовые кабели были уже перебиты, оставшиеся в живых комендоры продолжали стрельбу, перейдя на ручное управление.

На мостике горели ящики с сигнальными флагами, добавляя красок к зареву, полыхающему в ночном небе.

Взрывы прогремели в коридоре левого борта, ведущему к погребу с боеприпасами 127 мм орудий, в кают-компанию старшин и в лазарет.

Старший корабельный хирург доктор Блэквуд оперировал вестового при слабом аварийном освещении, У вестового была разворочена челюсть. Силой взрыва хирург был брошен поперек операционного стола. Перепуганный вестовой, придерживая челюсть обеими руками, спрыгнул со стола и выскочил из лазарета.

В это время на мостике вышло из строя рулевое управление. Капитан 1 ранга Рифкол стал вести управление крейсером непосредственно из румпельного отделения.

Башня №2, получив прямое попадание замолчала. Старшина Немет, ответственный за подачу боеприпасов через подъемник №4, послал наверх пять комплектов снарядов и зарядных картузов, но тут подъемник остановился.

Старшина немедленно послал наверх электрика проверить исправность предохранителей. Вернувшись через пару минут, электрик доложил, что с предохранителями все в полном порядке. Немет снова несколько раз попытался включить подъемник, но тот оставался неподвижным.

Помощник корабельного ревизора Джеймс Уилнес находился в радиорубке, когда началось сражение. Здесь сперва вышел из строя радиолокатор, затем – радиопередатчик и, наконец, внутрикорабельная связь.

Слева за кормой был виден объятый пламенем «Куинси». «Астория» куда-то исчезла. Эсминцы «Хэлм» и «Уилсон» оказались справа по носу. «Уилсон» стрелял осветительными снарядами и зачем-то бил в ночное небо из зенитных автоматов.

В попытке выйти из боя Рифкол круто развернул крейсер вправо. Разбитый корабль едва начал поворот, как три торпеды, выпущенные крейсером «Чокай», попали в район четвертой кочегарки. Старшина трюмных Яник быстро выбрался наверх и доложил на мостик, что котельное отделение №4 затопляется водой. Как раз в это же время с мостика в машину был послан рассыльный узнать, что там произошло. «Оба машинных отделения без освещения и людей», – доложил вернувшийся рассыльный.

Старшина сигнальщиков Джордж Мор, находившийся все это время на сигнальном мостике, увидел, что с гафеля исчез флаг корабля. Не раздумывая Мор вытащил другой и, не обращая внимания на свистящие вокруг осколки, поднял его на гафеле.

Флаг был отчетливо виден в зареве огней. С японских кораблей приняли его за адмиральский и удвоили усилия, чтобы добить «Винсенес». Густой дым и пламя, вырывавшиеся с нижних палуб, не позволяли послать вниз спасательные партии.

Один 203 мм снаряд взорвался на платформе зенитных автоматов, оставив там груду

обезображенных трупов.

Деревянные части трапов, разбитые в щепки, горели ярким огнем. Оставшиеся наверху люди оказались в западне. Цепляясь за остатки такелажа, помогая, насколько возможно, друг другу, они пытались спуститься в более безопасное место.

Капитан-лейтенант Крэйгхил с помощью матроса пожарного дивизиона Уигса спускали на тросах раненых на палубу. Именно они обнаружили среди раненых своего старпома Мулена, контуженного взрывом, со сломанной ногой.

Матрос 2-го класса Д.Фергюсон, будучи впередсмотрящим на носу крейсера, нашел ведро и стал черпать воду из-за борта в надежде потушить ближайшие очаги пожара.

Капитан 3 ранга Адамс оставался на своем посту управления огнем, несмотря на то, что его орудия уже были выведены из строя, и никакой связи с ними уже не было.

У ног старшего артиллериста лежал неразорвавшийся японский снаряд. Из находившегося прямо под ним помещения вырывались клубы дыма и пара. Адамсу не хотелось думать, что опаснее – снаряд или огонь, готовый вырваться под ногами вместе с удушающим дымом, и он не двинулся с места, оставаясь совершенно спокойным.

У 127 мм орудия №1 из всего расчета оставались в живых только два комендора: младший лейтенант резерва Р.Петерс и сержант морской пехоты Р.Хармор. Они вели огонь по всплывшей на расстоянии всего 500 метров подводной лодке и попали в нее, но подтвердить это было некому.

К этому времени японцы исчезли также неожиданно, как и появились, оставив «Винсенес» в предсмертной агонии.

Крейсер получил попадания 85 крупных снарядов. В истории морских сражений подобное встречалось крайне редко.

Оставшиеся в живых занимались поиском раненых и их эвакуацией.

Другие собирали секретную документацию. В радиорубке старшина-шифровальщик Уиллес выбросил за борт шифровальную машину и шифровальные книги. Были собраны платежные ведомости и другие финансовые документы, после чего капитан 1 ранга Рифкол, его вестовой Капрал Д.Патрик и главный корабельный писарь Л.Стакер начали выбираться с горящего мостика.

За борт были спущены спасательные плотики. На один из них опустили капитан 2 ранга Мулена, лежавшего на палубе со сломанной ногой. Лейтенант Беджером одел на старпома спасательный жилет.

«Винсенес» быстро кренился на правый борт. Необходимо было спешить.

Одним из последних, оставлявших корабль, был доктор Самуэль Изквит, который находился внизу в кормовой перевязочной, оказывая помощь раненым.

Позднее он вспоминал:

«Когда я окончил перевязывать последнего раненого, то открыл дверь, желая узнать, был ли приказ оставить корабль. Никто не ответил мне, стояла мертвая тишина. Палуба уже имела наклон, пожалуй, градусов 25. Я приказал своему помощнику и раненым выбираться наверх.

Страшное пламя бушевало в средней части корабля. Я понял, что через несколько минут «Винсенес» пойдет ко дну.

Корабль быстро валился на правый борт. Палубные орудия были уже залиты водой. Одного за другим мы обвязывали раненых спасательными жилетами и помогали им сползать в воду. В этот момент вся горящая носовая надстройка стала распадаться на части, горящие

обломки отрезали мне дорогу к правому борту. Вдобавок начали рваться снаряды, поданные к орудиям.

Я вскарабкался на палубе к поручням левого борта и приготовился броситься в воду оттуда. Что-то обожгло мне колено и я полетел за борт с высоты примерно метров 10 и упал в воду, не задев, к счастью, торчащую из воды лопасть левого винта.

Когда я вынырнул, то обнаружил, что вся поверхность воды покрыта толстой пленкой мазута. Вдалеке слева от меня, я увидел объятую пламенем «Асторию», горящий силуэт которой ясно был виден на фоне темного неба…»

Капитан 1 ранга Рифкол со своим вестовым и старшим писарем выбрались на верхнюю палубу в районе 127 мм орудия №4. Зная, что крейсер тонет, Стакер и Патрик поспешили на корму, по пути сообщая каждому, что нужно немедленно покинуть корабль. Палуба резко накренилась вправо. и вода доходила им уже до колена.

«Это конец, – спокойно произнес Рифкол, – пошли!»

Все трое, оттолкнувшись от фальшборта, оказались в воде и стали энергично работать руками и ногами, чтобы отплыть подальше от корабля и не быть затянутыми водоворотом.

С телами трехсот офицеров и матросов, оставшихся на борту, «Винсенеса» перевернулся вверх килем, затем быстро начал погружаться носовой частью, сопровождаемый резким свистом вырывающегося пара и воздуха.

Было 2 часа 50 минут ночи.

Глава 12

Смерть настигла эсминец «Ральф Талбот» в самом конце сражения, когда японские крейсера адмирала Микавы начали огибать остров Саво. Уже шли на дно крейсера «Куинси» и «Винсенес», а «Канберра» и «Астория» готовились последовать за ними.

Теперь только один маленький кораблик преградил путь японской эскадре.

Заметив американский эсминец, адмирал Микава приказал легкому крейсеру «Юбари» «успокоить» его, не меняя при этом курса своей эскадры.

Главные силы противника были уже «съедены» с большим удовольствием.

«Ральф Талбор» был своего рода «десертом», послеобеденной рюмкой, которую следует смаковать, прихлебывая…

Командир Талбота капитан-лейтенант Джозеф Калаган принял предупреждение с эсминца «Паттерсон» в самом начале боя. Он видел вспышки орудийных залпов на горизонте и повернул на юго-запад, чтобы принять участие в начавшемся сражении.

Полным ходом эсминец устремился вперед, ориентируясь по пламени горящих кораблей. Расстояние до ближайшего очага пламени, измеренное радиолокатором, составляло примерно 28000 метров.

Приближаясь к острову Саво со скоростью 25 узлов, наблюдая лучи прожекторов и слыша гром орудий, командир эсминца пытался выжать из своих машин все, что возможно.

Перед ним внезапно открылись три американских тяжелых крейсера в виде огромных плавучих костров.

От вида этой картины волосы у Калагана стали дыбом. «Талбор» резко снизил скорость.

В 02:15 один из прожекторных лучей достиг носовой части левого борта эсминца с расстояния около 15000 метров. Луч освещал эсминец долгие 10 секунд, затем качнулся в сторону и исчез. Калаган и все стоящие на мостике перевели дыхание, но лишь на мгновение. На каком-то отдаленном корабле они заметили яркую вспышку. Калагану даже почудилось что-то знакомое в его силуэте.

Но времени на раздумья ему было отведено мало. В следующее мгновение снаряды посыпались на «Ральф Талбот».

Первым же попаданием на эсминце был разрушен торпедный аппарат, при этом погибли два минера.

По характеру и цвету взрыва Калаган сделал вывод, что в него попал американский снаряд. Холодок пробежал у него по спине, и командир «Талбота», схватив микрофон меж корабельной связи, закричал: «Остановитесь! Прекратите огонь! Вы стреляете по своим!»

Стрельба тут же прекратилась, и «Ральф Талбот», резко отвернув, направился к западному мысу Гуадалканала. Но для корабля Калагана все еще только начиналось.

Три минуты спустя адмирал Микава счел свою ночную работу законченной, полагая, что выполнил ее вполне удовлетворительно. Но тут японские сигнальщики заметили длинный узкий корпус «Ральфа Талбота». Микава тут же передал световым сигналом приказ капитану 1 ранга Масами, командиру легкого крейсера «Юбари», приказ, состоявший из двух слов:

«Разделаться с этим!»

Сигнальщики Калагана быстро обнаружили вражеский крейсер, идущий в их направлении. «Юбари» шел западным курсом, пересекая за кормой курс эсминца с левого

борта. Лучи его двух прожекторов впились в «Ральф Талбот».

Кормовая башня «Юбари» открыла огонь, и игра в кошки-мышки на этом закончилась.

В тот момент, когда свист снарядов раздался над американским эсминцем, расстояние по радиолокатору составляло 3200 метров.

Калаган выскочил на открытый мостик и приказал включить прожектора, но прожекторные кабели уже были перебиты осколками.

«Право на борт! – закричал командир эсминца, – торпедные аппараты правого борта, пли!»

Три торпеды были выпущены по «Юбари», но только три, так как торпедный аппарат №1 был разбит еще в первой фазе боя. Теперь японские снаряды разрушили штурманскую рубку, частично уничтожили пост управления огнем орудий левого борта и вызвали сильный пожар на шканцах.

Было разбито орудие №4, а его комендоры либо убиты, либо ранены. Снаряд, попавший в кают-компанию, вызвал там сильный пожар, отрезав находившимся там людям дорогу на верхнюю палубу.

Капитан-лейтенант Калаган развернул эсминец влево.

«Торпедные аппараты левого борта, пли!» – скомандовал он.

Но система выпуска торпед уже не действовала, хотя одну торпеду удалось выпустить.

Луч вражеского прожектора уперся в кормовое 127 мм орудие, которое через несколько "мгновений было разбито попаданием тяжелых снарядов. Двух матросов взрывами выбросило за борт.

«Ральф Талбот» к этому времени уже имел крен 20 градусов на правый борт. Калаган понял, что остался только один выход – выбросить корабль на отмель у острова Саво.

Пламя вырывалось вверх из разбитой штурманской рубки и сигнального мостика, где горели ящики с сигнальными флагами. В надежде спасти эсминец Калаган решил попытаться оторваться от противника и выйти из боя.

Из экипажа эсминца 12 человек были убиты, 23 – ранены, двое пропали без вести. Маленький лазарет был набит до отказа.

В это время налетел дождевой шквал, милосердно «окропив» ливнем палубу горящего корабля. «Юбари» выключил свои прожектора и исчез, спеша присоединиться к главным силам Микавы.

Калаган, ввязавшийся в битву с дюжиной тигров, вполне мог радоваться подобному концу.

Что касается эсминца «Хелм», то уходящая ночь прошла для него спокойно, без каких-либо особых происшествий. Его командир, капитан-лейтенант Честер Керол, в самом начале сражения получил приказ от капитана 1 ранга Рифкола «атаковать!»

Кого атаковать? Это в приказе не было сказано.

Полнейшая неразбериха привела к тому, что эсминец «Хэлм» сперва в течении нескольких минут находился впереди соединения, а затем повернул на юг. Повернув на юг, Керол обнаружил, что все три американских крейсера обстреливаются противником откуда-то из темноты. Продолжая движение на юг, Керол обнаружил какую-то цель, приказал открыть по ней огонь, но эта «цель» оказалась своим кораблем.

Эсминец повернул на обратный курс. К этому времени все три своих крейсера были уже объяты пламенем. Керол никак не мог разобраться в обстановке. Его замешательство еще

более возросло, когда впереди эсминца поднялись столбы воды от упавших снарядов.

Увеличив скорость до 30 узлов, он вновь повернул на юг и в процессе выполнения этого маневра вообще потерял противника из вида.

Расход боеприпасов «Хэлма» составил четыре 127 мм снаряда. Причем выпущены они были по своему кораблю.

Даже если бы Кэрол поставил своей задачей как можно меньше навредить противнику, он не смог бы это сделать лучше, чем сделал.

Эсминец «Уилсон» сделал немногим больше. Капитан 3 ранга Уолтер Прайо обнаружил корабли Микавы с расстояния 12000 метров. Он открыл огонь, но на такой дистанции его снаряды упали с большим недолетом.

Не хватало угла возвышения орудий. Прайо сблизился с противником, развернулся влево и снова открыл огонь. Он сделал большое число выстрелов, но результаты их неизвестны.

С «Уилсона» хорошо был виден крейсер «Астория» с бушующими на нем пожарами. «Уилсон» продолжал вести огонь, целясь по прожекторам японских крейсеров, а когда прожекторы потухли, эсминец направился в сторону острова Саво, поскольку было получено сообщение, что к северу от острова находится японский эсминец. Прайо дал скорость 30 узлов и чуть не столкнулся с «Хэлмом». Всего «Уилсон» произвел 300 выстрелов из 127 мм орудий.

«Ни одной торпеды невозможно было выпустить из-за запутанной обстановки» – докладывал в своем рапорте Прайо, – «очень трудно было опознать корабли».

Так оно и было.

Мрачным юмором окрашено сражение между крейсером «Чикаго» и эсминцем «Паттерсон» – дуэль напряженных нервов и пальцев, зудящих на орудийных замыкателях. Причем оба корабля спешили на помощь израненной «Канбере».

Что же касается адмирала Микавы, то он покончив с союзными крейсерами, решил обдумать очередную проблему: не покончить ли заодно с оставшимися без охранения американскими транспортами? Что делать дальше?

«Когда мы прекратили огонь, позади нас оставался пылающий ярким пламенем вражеский крейсер, – записал капитан 1 ранга Тошиказу Охмаи, – Я зашел в оперативную рубку крейсера «Чокай» и увидел, что она вся в дыму от разорвавшегося вблизи американского 203 мм снаряда. Упади этот снаряд (с крейсера «Куинси») метров на пять впереди, адмирал Микава был бы убит…

Я спросил сигнальщиков не преследует ли кто-нибудь нас. Те ответили, что нет».

Адмирал Микава собрал офицеров своего штаба, чтобы обсудить план дальнейших действий: что делать с американскими транспортами?

В 02:30 было принято следующее решение:

«1. Японские корабли, разделившись на две группы, начинают самостоятельные действия. Флагманский корабль, прикрывая их, остается в тылу.

Чтобы произвести перегруппировку в темноте, потребуется значительно снизить скорость. Перегруппировка с учетом их настоящего места к северо-западу от острова Саво займет примерно 30 минут. Затем потребуется еще полчаса, чтобы набрать необходимую скорость, плюс час для подхода к якорной стоянке противника.

Таким образом потребуется два с половиной часа, чтобы соединение снова оказалось в боевом соприкосновении с противником, то есть всего за час до восхода солнца.

2. Согласно данным радиоразведки, нам известно, что авианосцы противника находятся примерно в 100 милях на юго-востоке от Гуадалканала. Зная о наших ночных действиях, они в настоящее время наверняка полным ходом приближаются к острову. Следовательно, продолжая оставаться в этом районе, мы рискуем разделить судьбу наших авианосцев в сражении у Мидуэя.

3. В случае даже немедленного ухода из этого района мы, возможно, подвергнемся преследованию и атаке со стороны сил противника. Но, если начать отход немедленно, мы сумеем пройти далеко на север, прежде чем противник сможет нас атаковать.

Таким образом предоставляется возможность заманить противника в зону действия нашей авиации, базирующейся на Рабауле».

Штаб Микавы ликовал. Была одержана крупная победа, причем без каких-либо потерь. Стратегия Императорского флота, основанная на ночных сражениях, полностью оправдала себя, превзойдя все ожидания. На всех японских кораблях было всего 35 убитых и 51 раненый.

Некоторые корабли вообще не понесли потерь в личном составе. Боевые повреждения оказались ничтожно малыми:

На «Чокай сгорела штурманская рубка, на крейсере «Аоба» – разбит один из торпедных аппаратов, на крейсере «Кунугаса» было несколько I попаданий в машинное отделение и повреждена шкиперская кладовая. Один из гидросамолетов тяжелого крейсера «Како» утонул вместе с экипажем. И это было все.

Решение штаба было представлено адмиралу Микава в течение трех минут, и адмирал решил следовать ему, не искушая более судьбу.

В 02:33 сигналом с флагманского корабля соединения был передан приказ всем:

«Соединение начинает отход». И минуту спустя: «Построиться в кильватерную колонну. Курс 320 градусов, скорость 30 узлов».

Глава 13

Ровным счетом ничего не зная о случившемся, адмирал Кратчли возвращался на свой флагманский крейсер «Австралия».

«Я совершенно ничего не знал ни о развернувшемся сражении, ни о составе сил противника», – говорил позднее Кратчли.

Ночь полного хаоса, ночь полная ужасов!

Так она и шла от одной грубейшей ошибки к другой. Даже когда расстреливали его корабли, адмирал Кратчли спокойно руководил расстановкой эсминцев у Гуадалканала.

В 01:45 адмирал видел вспышки в районе нахождения его соединения, но решил, что это самолеты противника освещают поверхность моря.

Затем Кратчли увидел вспышки на юге и расценил это как стрельбу зенитных орудий кораблей по обнаруженному самолету. Даже услышав через несколько минут гром орудий главного калибра, адмирал Кратчли не придал этому никакого значения.

Через сорок минут австралийский генерал вновь стал разглядывать горизонт. Там действительно шла уж очень сильная стрельба.

Кратчли поднялся на мостик «Австралии», приказав включить аппаратуру межкорабельной связи и в 02:26 связался с крейсером «Чикаго»;

«Вы что, ведете бой?»

Капитан 1 ранга Бод, у крейсера которого почти оторвало нос, дал ответ, который мог бы служить абсолютным рекордом по преуменьшению случившегося.

«Бой был, но сейчас уже все кончилось».

Кратчли переадресовал запрос крейсеру «Сан-Жуан», на котором держал флаг контр-адмирал Норманн Скотт.

Соединение Скотта, патрулировавшее между Гуадалканалом и островом Тулаги, не принимало участие в сражении, и Скотт ничего не знал о случившемся.

Он слышал раскаты орудийной стрельбы, но не получая никаких приказов от командования, не счел для себя возможным по собственной инициативе перейти в район боевых действий. Поэтому Скотт ответил на запрос:

«Наше соединение не принимало участия в бою. Все происходило где-то между островами Флорида и Саво».

Кратчли несколько раз вызывал на связь «Винсенес», затем – «Куинси» и «Асторию»… Молчание. Тогда он снова вызвал «Чикаго» и потребовал доложить обстановку.

«Мы сейчас движемся по проливу Лунго, – доложил Бод, – «Чикаго» находится южнее острова Саво. Поврежден торпедой в носовой части. Корабли противника ведут огонь в южном направлении».

Адмиральская борода встала дыбом.

Голос капитана I ранга Бода продолжал деловито потрескивать в эфире:

«Канберра» горит по пеленгу 50 градусов в пяти милях от Саво. Возле нее находятся два эсминца».

Кратчи немедленно переадресовал эти новости адмиралу Тэрнеру, находившемуся на своем флагманском корабле «Маккаули» и изнывавшему от недостатка информации о происходящем.

Генерал Вандергрифт, находившийся на минзаге «Саутярд», тоже хотел бы знать больше

о происходивших в ночи событиях. Он связался со своим командным пунктом, запросив у него полную информацию.

Там уже получили сообщение от Тэрнера, но решив, что генерала интересует обстановка на плацдарме высадки, кратко доложили:

«Противник ведет сильный огонь на участке «Красный».

«Что на море?» – спросил генерал.

На его КП обстановку на море не знали.

Радист морской пехоты попытался связаться с флагманским кораблем, чтобы получить более подробные сведения, но флагман молчал.

Тем временем адмиралы Тэрнер и Кратчли пытались разобраться, кто же стрелял на юге и по кому? Куда подевались патрульные эсминцы «Ральф Талбот» и «Блю»? Что случилось с радиолокаторами на этих кораблях?

На самом же деле смерть разминулась с эсминцем «Блю» на расстоянии менее 3000 метров!

Командир эсминца капитан 3 ранга Уильяме нес сторожевое охранение к западу от острова Саво, двигаясь курсами 51 градус – 321 градус со скоростью 12 узлов.

В полночь в вахтенном журнале эсминца было записано:

«Рваная облачность. Ветер 4 узла с северо-востока. Море спокойно. Видимость три мили. Безлунно». И больше ничего.

Корабельный радиолокатор работал достаточно хорошо. Однажды был даже обнаружен японский разведывательный самолет над островом Саво, а кто-то из сигнальщиков утверждал, что видел этот самолет визуально.

Позднее с эсминца обнаружили сначала вспышки осветительных снарядов, а затем – вспышки орудий корабельной артиллерии.

Капитан 3 ранга Уильямс не мог себе представить, что бы все это значило? Если это противник – а, очевидно, так оно и было – тогда логично сделать вывод, что японские корабли появились совсем с другой стороны, чем их ожидали. Не могли же они пройти незамеченными через зону I патрулирования!

«А может быть, все-таки прошли?»

Нет, не может быть, вахту у радиолокатора нес самый лучший специалист. Более того Уильямс был предупрежден, что корабли противника движутся к проливу Саво. Поэтому его корабль и нес здесь сторожевую службу…

Микава и весь его штаб затаили дыхание, когда японское соединение проходило вблизи эсминца Уильямса.

Сотня орудийных стволов была нацелена на ничего не подозревающий кораблик, готовые пустить его ко дну при первых же признаках того, что он их обнаружил.

А капитан 3 ранга Уильямс и его, очевидно, ослепший экипаж были отвлечены небольшой двухмачтовой шхуной, идущей на северо-восток.

Шхуну пришлось догнать и убедиться, что она не представляет опасности. Она была загружена кокосовыми орехами, а ее экипаж состоял из туземцев близлежащих островов.

«В 02:50, – записал в вахтенном журнале Уильямс, – был обнаружен неопознанный корабль, огибающий мыс Эсперанс и идущий в юго-западном направлении.

Наблюдая за ним, шли курсом на сближение, пока не опознали в нем эсминец «Жервис», следующий на ремонт.

Возвратились в свой район и продолжали патрулирование. Небо закрылось тучами, видимость ухудшилась».

Капитан 3 ранга Уильямс оставался в своем районе, продолжая патрулирование до тех пор, пока эсминец «Блю» – корабль, который находился в непосредственной близости от крейсеров Микавы, но не обнаружил их – не получил приказ от командира 8-го дивизиона идти на помощь крейсеру «Канбера». Судьба подарила этому эсминцу на редкость странную – можно сказать, роковую – роль в фантастической битве у острова Саво!

К трем часам ночи срочные радиограммы посыпались в адрес адмирала Тэрнера:

«Чикаго» поражен в носовую часть торпедой… «Канбера», объятая пламенем, тонет. Эсминец подбирает уцелевших… Вступил в сражение с крейсерами типа «Нати»… Противник на северо-востоке…»

Адмирал Тэрнер сидел, как громом пораженный. Где авианосцы?!

Где «Саратога», «Энетерпрайз» и «Уосп»?

В это время вице-адмирал Флетчер, не получив никакого разрешения от адмирала Гормли, двигался со своими авианосцами полным ходом на юго-запад.

Тэрнер направил Флетчеру срочную радиограмму: «Немедленно нужна помощь. Боевые действия надводных сил в районе Гуадалканал – Тулаги».

Командир авианосца «Уосп» капитан 1 ранга Шерман, чьи самолеты имели опыт ночных боевых действий, пытался убедить Флэтчера повернуть обратно.

Если действовать быстро, то есть поднять в воздух самолеты, существует реальный шанс перехватить противника в проливе «Щель».

Для этого нужны только «Уосп» и несколько эсминцев его охранения.

Вице-адмирал Флетчер трижды ответил отказом. Вопрос был закрыт.

Более того, в 03:30 пришло официальное подтверждение от адмирала Гормли о его согласии на отход авианосного соединения из района острова Саво. Конечно Гормли не имел ни малейшего представления о том, что произошло сегодня ночью.

Он лишь знал со слов Флетчера, что его соединение находится в опасности, нуждаясь в пополнении самолетами и топливом.

Адмиралу Тэрнеру ничего не оставалось делать, как собрать остатки своих разгромленных сил.

Эсминец «Паттерсон», передававший по радио предупреждение о неизвестных кораблях, входящих в пролив, между тем, сам имея на борту убитых и раненых, спешил на помощь гибнущему крейсеру «Канбера».

Старпом «Канберы», заменивший убитого командира, попросил командира «Паттерсона» подвести эсминец с наветренного борта к средней части крейсера, чтобы тот смог передать на «Канберу» свои пожарные шланги для борьбы с огнем.

Но секундой позже с крейсера передали:

«Пока не подходите к борту».

На эсминце слышали взрывы внутри «Канберы». Капитан 3 ранга Уолкер, выполняя указание Уэлша, отошел от крейсера, оставаясь в готовности подойти к нему, как только потребуется.

Эсминцы «Хэлм и «Уилсон», находившиеся к юго-востоку от острова Саво, получили по рации приказание подбирать спасшихся с потопленных кораблей на акватории в четыре с

половиной мили в окружности.

В основном, подобранными были моряки из экипажа «Астории».

Эсминец «Блю» присоединился к «Паттерсону», находясь в готовности оказать помощь «Кан-бере». Эсминец «Багли», направлявшийся на помощь «Астории», подобрал до рассвета 450 человек, включая 185 раненых. Эсминец также подобрал многих уцелевших с крейсеров «Винсенес» и «Куинси».

В район сражения были срочно направлены дополнительные корабли – в воде еще оставались не менее тысячи человек.

Глава 14

Оставшиеся в живых плавали в темноте и молились. Вода в проливе Саво была теплой, с маслянистой пеной и многочисленными обломками с затонувших кораблей. Небольшие спасательные плотики старались держаться вместе. На них еще до спуска на воду разместили тяжело раненых, а легко раненые плавали, придерживаясь за плотики. Опытные пловцы наблюдали за появлением акул.

Капеллан Роберт Швайхарт с крейсера «Винсенес», служивший два года назад в баптистской церкви города Канзас-Сити, продолжал исполнять свои обязанности даже находясь в воде.

Он утешал трех машинистов, только что отплывших от «Винсенеса», в тот момент, когда израненный крейсер, содрогаясь в предсмертных муках, перевернулся килем вверх. К пастору подплыл старший писарь Биглоу, а затем они вместе натолкнулись на младшего лейтенанта Картера, командовавшего на крейсере одним из 127 мм орудий.

Он держался за какой-то обломок рангоута. Картер продвинулся по нему, высвобождая место для подплывших, сказав при этом:

«Не очень шикарно, но все же лучше, чем хвататься за пятна мазута».

Три небольших плота, до отказа загруженные тяжело ранеными, проплыли мимо них.

Один из державшихся за край плота был капитан 1 ранга Рифкол, наткнувшийся в темноте вместе со Стакером и Патриком на эту связку спасательных плотиков. Увидев людей, державшихся за обломок рангоута, Рифкол крикнул:

«Кто вы?»

«Это – капеллан», – послышался ответ.

Очевидно, пастор не был услышан, поскольку Рифкол окликнул их вторично.

«Это – капеллан!» – громче ответил Швайхарт.

«Капеллан! – воскликнул Рифкол, – Вы нам нужны здесь».

Некоторые раненые стонали от боли, но большая их часть уже не в силах была и стонать. Доктора Изкуит и Ньюмен находились на плоту, но помочь могли только успокаивающими словами:

«Все будет хорошо. Осколки уже выходят из ран».

Некоторые пытались шутить, чтобы заглушить страх и боль. Один раненый баталер сказал:

«Готов спорить, что бутылка виски «Четыре Розы» стоила бы здесь сейчас пару сотен долларов».

«Нет, – послышался чей-то ответ, – Она стоила бы не меньше двух тысяч».

Капитан-лейтенант Крайгил, обшаривший с матросами корабль в поисках раненых, оставил корабль, когда тот уже начал переворачиваться.

Он также плыл вблизи этой связки плотиков.

Когда «Винсенес ушел на дно. плававшие в воде люди видели на некотором расстоянии горящий крейсер «Астория».

Освещенные этим зловещим светом все еще вращающиеся в воздухе винты «Винсенеса» представляли жуткую картину, которую никто из них не мог забыть всю жизнь.

На некотором расстоянии находился другой сборный плот с крейсера «Куинси», на котором среди прочих был капитан-лейтенант Хенбергер, обнаруживший, к своему

удивлению, что он остался самым старшим из спасшихся офицеров…

Дрейфующие вдоль пролива плоты с ранеными и люди, державшиеся за них, видели горящие строения на берегу, но даже и не пытались приблизиться к ним, считая, что там должны быть японцы или, что не лучше – дикари-туземцы.

Несколько моряков с «Астории» по приказанию старшего помощника командира покинули корабль, выпрыгнув за борт.

Младший лейтенант Хили сделал тоже самое, когда дым и огонь отрезали сотни людей от спасательных средств. В воде офицер присоединился к группе моряков, пытающихся погасить огонь на спасательном плоту.

На плаву остались только четыре плотика, остальные – были разбиты или сожжены. Сгорели почти все спасательные жилеты.

Южнее находился горящий крейсер «Канбера». Эсминец «Паттерсон» еще раз рискнул подойти к его борту. Крейсер имел сильный крен на левый борт.

В этот момент легкий крапающий дождик перешел в ливень, и капитан 3 ранга Уолкер решил, что пришла пора что-нибудь сделать для австралийцев. Больше ждать было нельзя.

Несмотря на проливной дождь, пламя продолжало пожирать «Канберу». И в этот момент с катастрофической силой взорвался боевой погреб в средней части крейсера, выбросив в небо столб огня, трассирующие заряды и клубы Дыма. Несмотря на это, Уолкер продолжал подводить эсминец к австралийскому крейсеру.

Осторожно приблизившись к горящему крейсеру почти вплотную, Уолкер ухитрился передать на него пожарные шланги и огнетушители. Затем с помощью погрузочных сетей началась эвакуация раненых на эсминец.

Было 04:08.

Всего Уолкер снял с крейсера около 400 человек. Еще 250 человек снял эсминец «Блю».

Спустя час радио «Паттерсона» приняло первые приказы, поступившие от адмирала Тэрнера. Они были следующего содержания:

«Всем кораблям покинуть этот район к 06:30». «Если «Канбера» не сможет присоединиться к уходящим, следует потопить ее».

Уолкер, который пришел оказать помощь, теперь оказался вестником ужасного приказа. Капитан 2 ранга Уэлщ, видимо, предчувствовал, что это неизбежно произойдет, решил смириться с судьбой.

Когда экипаж оставлял «Канберу», произошла краткая артиллерийская дуэль между крейсером «Чикаго» и эсминцем «Паттерсон», после которой все достаточно быстро пришло в нормальное состояние и эвакуация продолжалась.

В 05:50 из-за мыса Эсперанс показалось солнце. Его появление взбодрило находившихся в воде людей

«Как прекрасно видеть свет нового дня!» – воскликнул капеллан Швайхарт, продолжавший плавать у спасательных плотиков крейсера «Вин-сенес».

Многие из находившихся на плотах громко молились, а один из них попытался подняться и закричал: «Боже, какое красивое зрелище!»

Так оно и было. И чем выше поднималось солнце, тем прекраснее оно становилось. Вместе с солнцем появились эсминцы, сперва на горизонте, – затем ближе.

На одном из эсминцев блеснул яркий свет сигнального прожектора. Старшина – сигнальщик Джордж Мур медленно прочел:

«Поблизости подводная лодка противника. Мы будем сбрасывать глубинные бомбы. Держитесь как можно ближе к поверхности воды».

Вскоре находившиеся в воде скорее почувствовали, чем услышали, взрывы пятнадцати глубинных бомб. К счастью, никакого вреда спасающимся они не причинили.

Вскоре спасательные плоты сгрудились вокруг эсминцев «Уилсон», «Эллет» и «Магфорд», которые стали спускать на плоты грузовые сети.

Капеллан Швайхард отпустил перекладину плота, за которую держался, схватился за свисающий конец и взобрался в сеть. Когда его ноги коснулись твердой палубы эсминца «Магфорд», силы окончательно покинули пастора. Он не мог идти и оставался лежать на палубе. Но через несколько минут капеллан все-таки добрался до камбуза, где кок протянул ему чашку черного кофе. Нечего даже и говорить, как этот кофе был хорош! Кофе, сигарет, чистой свежей воды и пищи хватило для всех спасенных, кто в состоянии был глотать.

Три эсминца, загруженные по планшир ранеными, направились к якорной стоянке, где пересадили 682 человека на транспорты.

Спасенные были с крейсеров «Куинси» и «Винсенес». Пока еще никто не знал, что случилось с экипажами крейсера «Астория» и эсминца «Ральф Талбот»? Где отважный эсминец «Калаган»?

К этому времени «Ральф Талбот», хотя и не имел хода, но все еще держался на плаву. Котельные машинисты продолжали ремонт разбитых котлов, пытаясь подручными средствами ввести их в действие.

А что представлял собой «Калаган»?

Надстройки на верхней палубе были разбиты вдребезги и вдобавок жестоко пострадали от пожара. Радиоаппаратура не работала. И все же еще до полудня «Калаган» привел свою боевую, искореженную груду металла в Тулаги.

В 08:30 адмирал Тэрнер и Кратчли получили по радио сообщение с эсминца «Селфридж», который вместе с эсминцем «Эллит» проводил крейсер «Канберу» в ее водную могилу. Оба эсминца участвовали в сражении, выпустив 268 127 мм снарядов и полтора десятка торпед, ни одна из которых не дошла до цели.

«Селфридж» запросил Тэрнера разрешения утопить крейсер. Торпеда была выпущена и попала в середину крейсера.

Матрос 1 ранга Муррей позднее вспоминал: «Наши сердца сжались, когда мы смотрели на свой крейсер, который стал быстро валиться на борт. На нем все еще бушевало пламя и взрывался боезапас, клубы дыма вырывались из многочисленных пробоин. Прощай «Канбера»!

Глава 15

Агония «Астории» началась несколькими часами ранее. Уход кораблей адмирала Микавы оставил капитана 1 ранга Гринмена на пылающем гробу, лишенный хода и связи с экипажем, сгрудившемся на корме в ожидании приказа оставить корабль.

Пожары бушевали под верхней палубой и в настройках. Столбы огня освещали темноту ночи. Ходовой мостик был разрушен.

Искалеченного осколками капитана 1 ранга Гринмена уговаривали сойти с мостика, где взрывались снаряженные ленты для крупнокалиберных пулеметов. Около 300 раненых перенесли в носовую часть крейсера.

«Я смотрел вниз и видел лежащих там раненых, – рассказывал впоследствии Гринмен, – я молил Бога, чтобы этот ужас поскорее закончился».

Гринмен послал своего старпома капитана 2 ранга Шоупа вниз, чтобы он вывел наверх всех, оставшихся там. Старпом спустился на верхнюю палубу и, пробившись через пламя и дым, добрался в кормовую часть корабля.

Башня №3 оставалась еще боеспособной, но электроэнергии не было. Экипаж башни оставался на своих местах на случай возобновления боя, зная, что при этом снаряды и заряды придется подавать к орудиям вручную.

В это время «Астория» содрогнулась от мощного гидравлического удара подводного взрыва. Такой именно взрыв произошел внутри «Куинси», когда тот уже тонул. Опасаясь, что тоже самое может случиться и с «Асторией», капитан 2 ранга Шоуп быстро организовал спуск на воду плотов, посадил на них нескольких человек, приказав держаться всем вместе неподалеку от крейсера.

Инженер – лейтенант Гибсон, полузадохнувшийся от дыма, с трудом выбрался на верхнюю палубу. Он доложил старпому, что машинное отделение «Астории» не повреждено. Если удастся взять пожар под контроль, возможно, появится надежда спасти крейсер. Тут, видимо, Провидение решило помочь «Астории» – налетел шквал с сильным ливнем, потоком заливавшем корабль. Пожар на шлюпочной палубе удалось взять под контроль.

Пожарная группа во главе с инженером – капитан-лейтенантом Хэйсом начала выигрывать битву с огнем в районе самолетного ангара, постепенно продвигаясь на шкафут.

Они подобрались к сильному очагу пожара в районе камбуза и помещения, где хранилась древесина, необходимая для корабельных нужд. Большая часть древесины была пропитана маслом, предохраняющим дерево от гниения. Погасить этот огонь было невозможно – не помогали ни углекислый газ, ни вода. В помещении были обнаружены два обгорелых трупа.

Другая группа борьбы за живучесть боролась с огнем на нижней палубе. Огонь бушевал повсюду…

Внезапно из темноты возник приближающийся к крейсеру корабль.

Это был эсминец «Багли». Когда он просигналил свой опознавательный, на «Астории» раздались радостные крики.

Эсминец стал приближаться с левого борта по корме. Неожиданно он остановился, а затем дал полный назад. Выяснилось, что гидролокаторы эсминца обнаружили японскую подводную лодку. Эсминец отошел от «Астории», приготовившись сбросить серию глубинных бомб.

«Давай, топи ее!» – кричали с «Астории».

Когда «Багли» возвратился и пришвартовался «китайским способом» – носовой частью правого борта к носовой части правого борта крейсера, экипаж начал покидать «Асторию».

Опасаясь взрыва боеприпасов капитан 1 ранга Гринмен приказал оставить крейсер. Он не верил, что его удастся спасти.

Перенагруженный «Багли» снова дал задний ход. Затем эсминец подошел к корме крейсера и снял людей оттуда.

В это время капитан-лейтенант Топпер и лейтенант Эндрю, стоя на палубе эсминца, напряженно вглядываясь сквозь рассветную мглу, пытаясь оценить степень повреждений «Астории». Им стало очевидно, что носовая и кормовая оконечности крейсера в полном порядке; крен в 3 градуса не увеличивается и остается неизменным; восемь крупных пробоин в броневом поясе корабля находятся значительно выше ватерлинии.

Конечно, наверху горит все – от носа до кормы.

«Ну и что! – воскликнул Эндрю, – Мы можем спасти крейсер!»

Группа добровольцев снова высадилась на «Асторию», возобновив борьбу за спасение корабля. Капитан 1 ранга Гринмен все еще оставался на борту.

Между тем из Тулаги вышел быстроходный минный тральщик «Гопкинс», чтобы взять «Асторию» на буксир.

Но судьба решила иначе. На тральщике, готовом взять на буксир беспомощный корабль, улышали мощный взрыв, потрясший «Асторию». Это взорвался боевой погреб со снарядами в носовой части крейсера. Крен «Астории» начал увеличиваться. Новые пробоины заделать было невозможно.

«Гопкинс» стал отходить от крейсера, а на его место подошел транспорт «Алчиба».

Капитан 2 ранга Шоуп, поднявшись на верхнюю палубу, доложил командиру, что новые повреждения сделали невозможным спасение крейсера.

Крен «Астории» увеличился до 30 градусов, и теперь стало очевидным, что корабль продержится на воде всего несколько минут.

В числе последних, оставивших погибающий корабль были Гринмен и Топпер. Крен уже достиг почти 45 градусов.

В 12:15 «Астория» плавно и мягко легла на воду всем левым бортом. Затем пошла на дно.

Глава 16

Спустя несколько часов после того, как «Астория» отправилась на дно пролива Саво, силы адмирала Тэрнера начали отход из района Соломоновых островов.

Транспорты направились в Нумеа и в Новую Каледонию. В их переполненных трюмах и жилых помещениях находились спасенные с погибших прошлой ночью кораблей, которым предстоял четырехсуточный 1000-мильный переход.

Находившемуся на флагманском транспорте «Маккавли» адмиралу Тэрнеру, помимо всего прочего, еще предстоял очень неприятный разговор с адмиралом Гормли. Ему предстояло обо всем доложить командующему, а от самой этой мысли ему хотелось застрелиться.

Адмиралу Тэрнеру никогда не удастся забыть пролив Саво, на дне которого остались лежать четыре первоклассных тяжелых крейсера. Если в подобных обстоятельствах Тэрнеру и было кого-то жалко, то только генерала Вандергрифта – невоспетого героя Гуадалканала, оставшегося на остро-ве без поддержки и снабжения.

Тем временем Микава вернулся в Рабаул, встреченный криками «банзай!» от сгрудившихся на причалах летчиков и моряков. Микава сообщил по радио свое предполагаемое место к рассвету, с тем чтобы 11-я воздушная дивизия могла «нанести удар по любому преследовавшему его кораблю противника».

Между тем, с его кораблей поступали в штаб рапорты о результатах ночного боя. Получалось, что всего было потоплено: восемь тяжелых крейсеров, один – легкий и пять эсминцев. Кроме того, пять тяжелых крейсеров и четыре эсминца повреждены.

Анализ сообщений, проведенный в штабе несколько приуменьшил эти результаты, сойдясь на том, что потоплены пять тяжелых крейсеров и четыре эсминца.

Адмирал Микава нервничал, ожидая возмездия от американских авианосцев.

В прокладочной крейсера «Чокай» пытались вычислить, сколько еще времени потребуется, чтобы выйти из зоны «ожидаемого возмездия». Получалось, что долго.

«Время шло, а самолеты противника не показывались, – вспоминал позднее капитан 1 ранга Охмаи, – Не было никаких признаков американских авианосцев, чьи радиопереговоры мы так ясно слышали вчера в полдень».

В 10:00 Микава, находясь южнее Бугенвиля, Микава разделил свое соединение, приказав 6-й дивизии крейсеров следовать к Кавиенгу.

Но триумф японцев был сильно омрачен.

Рано утром в понедельник, когда 6-я дивизия крейсеров была на пути в базу Кавиенг, она была перехвачена американской подводной лодкой S-44.

Море было спокойно, в воздухе не ощущалось жары, лишь легкий бриз покрывал небольшой рябью водную поверхность.

Ничто не мешало наблюдать в перископ. Правда, и сам перископ мог быть обнаружен на большом расстоянии.

Но японские сигнальщики занимались подготовкой флагов, которые они собирались поднять в базе по случаю своего триумфального возвращения. Словом, они были слишком заняты, чтобы заметить перископ, который в 07:50 поднял над поверхностью моря капитан 3 ранга Д.Мур.

S-44 была старой лодкой водоизмещением 800 тонн, построенная еще по программе

времен Первой мировой войны. Лодка совершала свой третий боевой поход из базы в Брисбейне.

Прочный корпус лодки местами протекал, двигатель создавал сильный шумовой фон, но ее командир был не из тех, кого пугают мелкие неудобства. Мур обнаружил первую цель на дистанции примерно 9000 метров, затем – вторую и третью, идущие в кильватер первой.

Мур начал поворот на 80 градусов, но в этот момент обнаружил четвертый крейсер. Командир S-44 быстро сделал расчеты угла упреждения, глубины и расстояния. За это время первая цель уже ушла. Вторую и третью можно было атаковать, но Мур выбрал последнюю.

Крышки торпедных аппаратов открылись, расстояние уменьшалось, командир считал секунды. Дистанция 700 метров, цель подходила к расчетному курсовому углу…

«Товсь!… Пли!»

Четыре торпеды устремились к крейсеру. Первые две прошли у него по носу, а две последние – попали в его среднюю часть. Это был идущий последним тяжелый крейсер «Како».

«Послышалось очень неприятное громкое шипение, как будто сжатый пар пробивался сквозь толщу воды. Этот звук напугал экипаж больше, чем последовавший за ним сам взрыв глубинной бомбы, – писал в своем рапорте Мур, – эти звуки трудно описать. Как будто огромные цепи протаскивали по корпусу лодки, и создавалось впечатление, что наши собственные системы сжатого воздуха и воды разрушены».

Мур пытался разворачивать лодку на обратный курс, чтобы провести еще одну атаку. Он нырнул на глубину 45 метров и исчез.

Крейсер «Како» перевернулся и затонул с доброй половиной своего экипажа.

Потеря крейсера не на много уменьшила радостное настроение Микавы.

Возвращение в базу было триумфальным, с салютами, флагами и криками «Банзай!»

*** * ***

Совсем не так было у адмирала Тэрнера.

Когда во вторник его транспорты прибыли в Новую Каледонию, адмирал Гормли уже поджидал их. Первым делом раненых перевезли в базовый госпиталь и на госпитальные суда. Затем Гормли и Тэрнер имели целую серию продолжительных бесед между собой.

Что касается адмирала Кратчли, то тот, еще находясь на борту «Австралии» и пытаясь изложить свое видение происходящего, писал:

«Следует иметь в виду, что наши корабли имели конкретную задачу отразить нападение надводных сил противника. Когда же это действительно произошло, мы были уничтожены».

Это откровение будет вскоре истолковано ошибочно. Все корабли, участвовавшие в сражении, представили боевые рапорты.

Пока в министерстве ВМС их изучали, корреспонденты всех ведущих газет осаждали двери официальных кабинетов. Но командование флотом не было многословным. Оно лишь сообщило, что «атаки противника, оказывающего серьезное сопротивление, продолжаются».

К этому времени Тэрнер уже представил свой письменный рапорт адмиралу Гормли, а тот, в свою очередь, пытался объясниться с командующим Тихоокеанским флотом

адмиралом Нимицем. Беда Гормли заключалась в том, что он находился в тысячи миль от места боевых действий. А у адмирала Нимица было много вопросов:

– Чем объяснить более чем странное поведение адмирала Флэтчера?

– Почему эсминец «Блю» не доложил о радиолокационном контакте с неизвестными кораблями?

– Почему командир «Чикаго» капитан 1 ранга Бод не предупредил о нападении корабли Северных

сил?

Спустя пять лет профессор Д.Доррис, написал книгу "Вахтенный журнал крейсера «Винсенес»", приравняв поражение у острова Саво к тому, что произошло в Перл-Харборе. Это сравнение было дано человеком, потерявшим сына в Штурманской рубке крейсера «Винсенес».

А адмирал Нимиц назначил специальную комиссию, которая должна была докопаться до истинных причин небывалого разгрома.

Глава 17

Назначенная адмиралом Нимицем комиссия работала до конца сентября.

К этому времени уже были получены письменные объяснения от адмиралов Гормли, Кратчли, Флетчера и Тэрнера, а также от генерала Вандергрифта.

Боевые рапорты, представленные кораблями, участвовавшими в сражении, были также тщательно изучены и оценены.

Теперь адмирал Нимиц уже имел возможность смоделировать общую картину случившегося и определить степень ответственности за поражение каждого участника боя.

Объяснение адмирала Флэтчера, полученное последним, не внесло ничего нового. Адмирал, на которого указывали пальцем все командиры кораблей, участвовавших в сражении, оправдывал уход своих авианосцев из района боевых действий тем, что его корабли имели недостаточный запас топлива, и что в районе было слишком много торпедоносцев и бомбардировщиков противника.

Нимицу было все ясно.

Флэтчер, который и до этого совершал много ошибок и чуть не потерял авианосец «Энетерпрайз», должен быть отстранен от командования.

Это было болезненное решение, ибо Флетчер был настоящим боевым адмиралом, участвовавший с самого начала войны буквально во всех боях с японцами, командуя при этом исключительно хорошо. Звезда на его флаге светила и в Коралловом море, и у Мидуэя.

Что же с ним случилось?

На это лучший ответ дает историк флота и морской пехоты Ф.Прат:

«Он устал, но это была не физическая усталость, которую испытывали от 72-х часов непрерывных боев экипажи авианосцев, а скорее нравственное утомление, накопившиеся за многие месяцы командования в наиболее сложных и крупных морских сражениях».

Адмирал Нимиц передал адмиралу Кингу сперва предварительный, а затем исчерпывающий рапорт о бое у острова Саво.

К этому времени в Атлантике начинала разворачиваться «Операция Факел», и адмирал Кинг, всецело занятый многочисленными деталями гигантского наступления союзников, передал все материалы, относящиеся к сражению у Саво, для дальнейшего расследования адмиралу Эдвардсу из своего штаба.

В декабре адмирал Хэпборн, бывший командующий Атлантическим флотом, более детально изучил все материалы, чтобы представить доклад министру ВМС Фрэнку Ноксу.

* * *

Между тем в районе Соломоновых островов разворачивалась новая битва, и морские пехотинцы генерала Вандергрифта приготовились к серьезным боевым действиям, когда японский генерал Хякутата, командующий 17-й армией, угрожал высадить на Гуадалканал две пехотных дивизии полного состава. События, назревавшие в юго-западной части Тихого океана, требовали быстрых и решительных действий.

К декабрю адмирал Эдвардс изучил подробности этого невероятного разгрома, и

адмирал Нимиц решил произвести перестановки в структуре командования южной части Тихого океана.

Со своего поста был смещен адмирал Гормли, замененный адмиралом Хэлси, а «линкорный адмирал» Томас Кинкейд сменил адмирала Флэтчера.

Гормли не был особенно удивлен тем, что молния служебных репрессий ударила по нему. Он заранее ожидал, что именно это и произойдет.

Реакция прессы также была предсказуемой. Хэндсон Болдуин из журнала «Тайме» отметил, что «наши корабли были захвачены врасплох, как утки, сидящие на яйцах».

Он перечислил факты, приведшие к разгрому: патрулирование на фиксированных позициях… ожидание противника вместо активного поиска его… низкое качество радиолокаторов и средств связи… нерешительность.

Особый гнев общественного мнения обрушился на адмирала Кратчли. Что особенного возмутило прессу – это то, что австралийцам было доверено командование американскими военно-морскими силами! Необузданная ярость лилась из-под перьев журналистов…

Тэрнер же, напротив, был представлен героем, остался на службе и в 1945 году стал уже четырехзвездным адмиралом. За Гуадалканал он был I награжден «Военно-морским Крестом».

Капитаны 1 ранга Гринмен, Рифкол и Бод продолжали службу на берегу, и больше никогда не выходили в море.

Адмиралы Гормли и Флэтчер также продолжили службу за письменным столами в США. Затем Гормли получил назначение в Германию, а Флетчер – в северную часть Тихого океана.

Продолжая службу в Зоне Панамского канала, капитан 1 ранга Бод однажды впал в депрессию и застрелился в ванной.

Капитану 1 ранга Гринмену как-то удалось пережить все неприятности и устроиться сравнительно неплохо. Он даже получил чин коммодора.

Капитану 1 ранга Рифколу при выходе в отставку присвоили звание контр-адмирала. Чин контр-адмирала при уходе в отставку получили бывшие командиры эсминцев Каллаган и Керол. Уолкеру повезло меньше. Командир, который первым закричал по радио: «Тревога! Неизвестные корабли входят в пролив!», был уволен в отставку с четырьмя нашивками капитана 1 ранга и уведомлением, что звание сохраняется за ним пожизненно.

В Австралии, после боли и потрясения тем, что произошло у острова Саво, также наступил период общественного негодования.

Негодование, естественно, обрушилось на адмирала Кратчли за потерю крейсера «Канбера» и гибель 84-х австралийских моряков.

Хотя Кратчли не имел никакого отношения к гибели крейсера, именно он стал «козлом отпущения». Правда, через несколько недель Великобритания передала Австралийскому флоту крейсер «Шропшир», однотипный погибшей «Канбере».

Вдова капитана 1 ранга Геттинга присутствовала на церемонии вступления крейсера в состав Австралийского флота. Она сказала журналистам:

«Я горжусь Фрэнком. Он любил море и был готов отдать жизнь за свою страну. Уверена, что он не хотел бы умереть иначе».

*** * ***

В мае 1943 года адмирал Хэпборн закончил свой исчерпывающий доклад о сражении у острова Саво, который имел тогда гриф «Секретно» и не был предназначен для широкой публики.

Хэпборн в качестве факторов, приведших к поражению, перечисляет следующее:

«1. Недостаточная степень готовности всех кораблей к действиям в условиях ночной атаки.

2. Неумение своевременно и правильно оценить обстановку.

3. Неоправданное доверие к возможностям радиолокационных установок.

4. Несовершенство связи, следствием чего было запоздание информации о контакте с противником.

В число способствующих факторов следует также ввести и уход авиационного соединения накануне сражения.

В итоге причины поражения были поровну распределены», и адмиралы Кинг и Нимиц согласились, что «было бы несправедливо порицать любого конкретного офицера».

Следует еще добавить, что в японской победе огромную роль сыграла «Госпожа Удача»:

Удача, что обнаруживший японское соединение австралийский бомбардировщик никому об этом не доложил.

Удача, что японские корабли не обнаружил самолет Маккейна.

Удача, что ненадежно работали радиолокаторы на эсминцах «Блю» и «Талбот».

Удача, что капитан 1 ранга Бод не предупредил о нападении командующего Северными силами.

Удача, что при подходе к проливу видимость, порой, падала до нуля.

Удача, что на союзных кораблях была объявлена готовность №2, а не №1.

Командование японским Объединенным Флотом, хотя официально и поздравило адмирала Ми-кава с одержанной победой, тем не менее, ясно выразило недовольство тем, что Микава не уничтожил американские транспорты.

По мнению командования, следовало атаковать транспорты любой ценой.

Крейсер «Чокай» наверняка мог это сделать и в одиночку. Уничтожение транспортов было бы равносильно изгнанию противника с Гуадалканала.

Глава 18

Горький вкус поражения сохраняется долго.

Победы забываются гораздо быстрее.

Хотя адмирал Кинг и писал, что «ни один конкретный офицер не может считаться ответственным за Саво», но в его письме на имя министра ВМС от 14 сентября 1943 года содержится еще очень много желчных острот в адрес участников сражения.

Многие, сравнивая разгром у острова Саво с нападением на Перл-Харбор, задавались вопросом: почему адмирал Киммел и генерал Шорт, «проспавшие» нападение на Перл-Харбор, были отданы под суд, а адмиралы, допустившие разгром у Саво, нет?

Ведь то, что произошло у Саво, очень похоже на то, что случилось в Перл-Харборе. Соответственно делался вывод, что лица, ответственные за разгром у острова Саво не должны «так вот просто сорваться с крючка».

Но поскольку война еще продолжалась, командование решило не муссировать больше вопрос о событиях у острова Саво в августе 1942 года.

И дело было закрыто. Однако не надолго. Примерно через год по этому поводу снова взорвалась американская пресса.

В газете «Нью-Йорк Дейли Ньюз» от 25 февраля 1945 года появилось сообщение, переданное Токийским радио, где последними словами поносился адмирал Тэрнер, находившийся в то время у острова Иводзима, где он командовал войсками вторжения,

«Этот Тэрнер должен умереть! – провозгласило японское радио, – Он виновен в гибели тысячи молодых американцев, отдавших свои жизни у острова Саво и на тысячах других островов Тихого океана. Он не должен вернуться домой живым и он не возвратиться живым!» В связи с этим газета прозрачно намекала, что неплохо бы в судебном порядке разобраться кто все-таки несет ответственность за трагедию у острова Саво?

Чикагская газета «Трибун» также громогласно требовала привлечь к ответственности за катастрофу у острова Саво адмиралов Тэрнера и Кратчли.

Журнал «Таймс», назвав сражение у острова Саво «наихудшим из всех поражений американского флота», посчитал, что причиной всего этого была «крайняя утомленность людей, неопытность командования и отвратительная связь… Но когда были обнародованы потери, все Соединенные Штаты, образно говоря, съежились…

Командиры «Куинси» и «Канберы» погибли вместе со своими кораблями.

Командир «Чикаго» умер в Панаме, наложив на себя руки.

Рифкол, командир «Винсенеса», и Гринмен – «Астории» больше не занимают ответственных постов».

Адмирал Эрнест Кинг сказал: «По моему мнению, оба эти офицера никоим образом нельзя назвать неспособными, еще меньше, виноватыми…

Оба оказались в сложнейшей обстановке и в подобной обстановке оба сделали все, что могли с имевшимися у них средствами».

«Но, – продолжает «Тайме», – упрямые факты налицо: четыре огромных корабля потеряны, а с ними 952 офицера и матроса плюс 84 австралийца. Всего: 1023 человека, не считая раненых. При этом японцы имели очень небольшое преимущество в кораблях и'артиллерии…»

В заключение журнал задавал три стереотипных вопроса:

– Почему адмирал Кратчли не сообщил Рифколу о своем неожиданном отбытии на совещание
с Тэрнером?
– Почему командующим столь крупным соединением американских кораблей был австралиец?
– Почему никто из ответственных командиров не был отдан под суд за катастрофу у острова Саво?
Эти вопросы продолжали периодически задаваться и после того, как американский флот вымел японцев из Тихого океана и добился их безоговорочной капитуляции.
Появились многочисленные статьи, затем стали появляться и книги, заседали комиссии Конгресса.
И хотя ни к каким новым выводам они не пришли, все это показало, что катастрофу у Саво также невозможно забыть, как и катастрофу в Перл-Харборе.
Память об этих событиях предостерегает грядущие поколения от того, к чему могут привести неопытность, нерешительность и растерянность.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Союзные потери в личном составе в сражениии острова Саво

Убитые / Раненые
ТКР «Чикаго» 2 / 21
ТКР «Канбера» 84 / 55
ТКР «Винсенес» 332 / 258
ТКР «Куинси» 370 / 167
ТКР «Астории» 216 / 188
ЭМ «Ральф Талбот» 11 11
ЭМ «Паттерсон» 8 / 11
Всего: 1023 709

Автор выражает свою искреннюю благодарность капитану 1 ранга в/о Правдюку В.В. за перевод и предоставление необходимых для этой книги материалов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ, которое вполне можно считать и предисловием к публикуемому ниже материалу.

Многие прекрасно документированные события нашей истории, включая и историю новейшего времени, не имеют рационального объяснимых причин. Это признают сегодня серьезные исследователи. Все чаще в голову приходит мысль о вечной Провиденциальности нашего развития, которая, исправляя Волевые человеческие ошибки, упорно ведет нас к Роковому неведомому финалу.

Примеров можно привести сотни. На эту тему написаны целые библиотеки книг – от чуда эпохи Возрождения, когда человечество, опомнившись от черного безумия нескольких веков, стало искать и связывать оборванную нить, ведущую к Антике, до чуда крушения коммунизма, когда измученная Россия, осознав преступность кровавой бойни во имя «коммунизма – светлого будущего всего человечества», стала лихорадочно искать и связывать обрубленные нити, чтобы вернуться в лоно многовековой национальной культуры.

Но наряду с событиями глобального значения, явно меняющими ход мировой истории, существует много других, оставшихся незамеченными на фоне стремительного развития человеческой цивилизации, но, тем не менее, не ставших из-за этого менее судьбоносными.

Внезапная смерть императрицы Елизаветы Петровны, спасшая Германию в тот момент, когда она уже была готова превратиться в русскую провинцию…

Грипп, внезапно поразивший Наполеона в битве при Ватерлоо…

Необъяснимая ошибка генерала фон Клюка в его движении на Париж…

Неожиданный отъезд Михаила Горбачева в Крым и его «Форосское пленение» и многое другое.

В этом же ряду стоит и нападение японцев на Перл-Харбор в декабре 1941 года.

Декабрь 1941 года! Немецкие войска, оккупировав всю Европу, вплотную подошли к Москве, окружив и блокировав Ленинград. Англия изо всех сил бьется за свое существование, сдавая свои, казалось бы, незыблемые имперские позиции во всем мире.

Япония уже совершенно очевидно нацелилась на несметные богатства юго-восточной Азии, в том числе и на главный бриллиант в короне Британской Империи – Индию.

Колонии оккупированных Гитлером стран западной Европы, оставшись «бесхозными», сами просятся в цепкие японские руки. А обессиленная английская метрополия уже ничем не сможет помочь своим заморским владениям. Дорога открыта!

Охваченный огнем и кровавым безумием мир с надеждой смотрит на Соединенные Штаты. Но великая заокеанская республика мало чем может помочь раздавленным и разгромленным нациям, несмотря на явные симпатии к ним. Правительство США пытается остановить закусившие удила страны Оси нотами, дипломатическими демаршами, торговыми санкциями, но все это оказывается не эффективным оружием против грубой военной силы – все громящей и испепеляющей под звуки бравурных военных маршей.

Вступить в войну Америка не может. Демократическая до абсурда, Америка обязана считаться с мнением своего народа. А американцы практически все против вмешательства Соединенных Штатов в европейские и азиатские дела. Пусть разбираются сами!

И демократы, и республиканцы в конгрессе, выражая общественное мнение страны, яростно отстаивают политику изоляционизма, срывая все робкие программы правительства

президента Рузвельта. Даже закон о знаменитом «лендлизе» прошел только когда Рузвельт патетически воскликнул в конгрессе: «Когда горит дом соседа, а у вас есть садовый шланг, то дайте его соседу, пока не загорелся и ваш дом!»

Прошел, но с большим трудом.

И в этот момент группа японских генералов решает нанести по Америке внезапный удар.

«Зачем? – в ужасе спрашивают их подчиненные и начальники. Обстановка такова, что Америка никогда не вмешается ни в какие наши действия в юго-восточной Азии и будет продолжать бомбардировать нас нотами и ужесточать торговые санкции. Наплевать! Мы все получим на богатейших захваченных территориях. Зачем нам нападать на Америку? Она не в состоянии вмешаться в войну. Объявление войны никогда не пройдет через конгресс, а другого способа не существует.

Но эти доводы не помогли.

Безумие заразительно, если им управляет Рок! И охваченным навязчивой идеей адмиралам удалось навязать свою точку зрения остальным. Впоследствии никто из уцелевших в войне японских адмиралов не мог толком объяснить мотивы этого решения, остались лишь туманные ссылки на то, что это была идея одного человека – адмирала Ямамото – главнокомандующего японским флотом.

Обратите внимание: не императора, не премьер-министра – достаточно агрессивного генерала Тодзио, ни даже морского министра, а всего лишь командующего одним из видов вооруженных сил! Сам Ямамото не пережил войны, чтобы объяснить, кто внушил ему эту безумную идею.

Но Рок неумолим.

7 декабря 1941 года японские бомбы, упавшие на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, вывели Соединенные Штаты из состояния летаргии. 8 декабря это была уже другая страна. Она сплотилась в желании дать отпор этому предательскому и неспровоцированному нападению. Впервые за девять лет изоляционисты встретили аплодисментами президента Рузвельта, приехавшего просить высший законодательный орган страны объявить войну Японии.

Вступление Америки во Вторую Мировую войну сделало положение стран Оси безнадежным. Их поражение стало всего лишь вопросом времени. Но более того. Всего через полгода японский флот был разгромлен американцами в сражении у острова Мидуэй…

Еще много белых пятен в истории Второй Мировой войны ждут своего освещения.

Для многих российских читателей история сражения у острова Саво – «Второй Перл-Харбор» – тоже была практически белым пятном. А как напоминание о «первом» Перл-Харборе мы предлагаем читателям познакомиться с прекрасным материалом Уолтера Лорда о том, что же произошло в тот роковой день 7 декабря 1941 года на одном из островов Гавайского архипелага.

*** * ***